

От автора абсолютного
супербестселлера «ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 40 языков!

ДЖОДЖО МОЙЕС Дарующий звезды

Захватывающий роман,
от которого у вас замирает сердце.

Heat

из

Джоджо Мойес

Дарующий звезды

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48585538
Дарующий звезды: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2020
ISBN 978-5-389-17580-8*

Аннотация

США. 1937 год. Элис выходит замуж за красивого американца Беннета Ван Клива в надежде избежать душной атмосферы родительского дома в Англии, но довольно скоро понимает, что сменила одну тюрьму на другую. Именно поэтому она с радостью соглашается на работу в весьма необычной библиотеке по программе Элеоноры Рузвельт.

Марджери, возглавившая эту библиотеку, – самодостаточная женщина, хорошо знающая жителей и обычаи гор, – привыкла сама решать, что ей делать и как поступать, не спрашивая мнения мужчин, а потому нередко попадает в трудные ситуации. Они с Элис быстро находят общий язык и становятся близкими подругами...

Захватывающий, основанный на реальных событиях рассказ о пяти необыкновенных женщинах-библиотекарях, доставлявших книги в самые отдаленные уголки горных районов Кентукки, от автора «До встречи с тобой»!

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	43
Глава 3	73
Глава 4	107
Глава 5	128
Глава 6	147
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Джоджо Мойес

Дарующий звезды

*Посвящается Барбаре Напьер, которая в
нужный момент дарила мне звезды
И всем библиотекарям*

Jojo Moyes

THE GIVER OF STARS

Copyright © Jojo's Mojo Ltd., 2019

© О. Э. Александрова, перевод, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2019

Издательство Иностранка®

Пролог

20 декабря 1937 года

Послушай, как все было. Стоит углубиться на три мили в лес у подножия Арнотт-Риджа, и тебя обволакивает плотная, вязкая тишина. Щебета птиц на рассвете здесь не слышно даже в середине лета, а тем более сейчас, когда холодный воздух настолько пропитался влагой, что даже листья, отважно свисающие с ветвей, словно окаменели. Среди дубов и орешника все замерло в неподвижности: дикие животные ушли глубоко под землю, мягкие шкурки переплелись в узких кавернах дуплистых дубов. Снег был таким глубоким, что мул проваливался по колено, а потому то и дело покачивался и, подозрительно фыркая, пытался нащупать в этой бесконечной белизне шаткие камни и коварные ямы. И лишь прозрачные воды узкого ручейка уверенно направлялись, журча и булькая, по каменистому ложу в невидимый постороннему глазу конечный пункт.

Марджери О'Хара пробует пошевелить онемевшими пальцами ног в сапогах и невольно морщится, представив, как будет больно, когда ноги согреются. В такую погоду, даже надев три пары шерстяных чулок, ты все равно чувствуешь

себя так, будто идешь босиком. Руками в толстых мужских перчатках Марджери стряхивает кристаллики льда с густой шерсти мула.

– Сегодня получишь дополнительную порцию еды, малыш Чарли, – говорит Марджери, глядя, как мул прядает большими ушами; чуть переместившись в седле, Марджери поправляет переметные сумки, чтобы сбалансировать груз, перед тем как спускаться к ручью. – Будет тебе на ужин горячая патока. А может, я и сама ее отведаю.

Еще четыре мили, думает Марджери, жалея, что плохо позавтракала. Мимо Индейского утеса, вверх по тропе между соснами, а там останется два раза крикнуть – и ей навстречу выйдет старушка Нэнси, распевая, как всегда, церковные гимны и размахивая руками, точно ребенок. Ее чистый сильный голос эхом разнесется по лесу.

– Незачем топать пешком целых пять миль, чтобы меня встречать, – каждые две недели повторяет ей Марджери. – Ведь это наша работа. Вот почему мы и едем верхом на лошадях.

– Ой, вы, девочки, и так очень много для нас делаете.

Но Марджери прекрасно знает настоящую причину. Так же как и ее сестра, прикованная к постели в крохотной бревенчатой хижине в Ред-Лике, Нэнси не могла позволить себе прозевать очередной транш новых историй. Эта шестидесятичетырехлетняя женщина, с тремя уцелевшими зубами во рту, была большой поклонницей красивых ковбоев.

– От этого Мака Макгуайра мое сердце трепещет, как выстиранная простыня на веревке. – Нэнси хлопает в ладоши и возводит глаза к небесам. – Арчер его так описывает, что кажется, будто он вот-вот сойдет со страниц книги и закинет меня к себе на седло. – Нэнси заговорщицки наклоняется к Марджери. – А может, мне просто хочется поездить верхом. Мой муж говаривал, в молодости посадка у меня была что надо!

– Не сомневаюсь, Нэнси, – каждый раз отвечает Марджери, и Нэнси раздражается смехом и хлопает себя по ляжкам так, словно говорит это впервые.

Неожиданно раздается треск сухой ветки, отчего Чарли наострил уши. Уши такие большие, что мул наверняка способен услышать шум даже на дороге в Луисвилл.

– Сюда, мальчик. – Марджери отводит мула подальше от каменистого уступа. – Через минуту мы услышим ее голос.

– Куда путь держишь?

Марджери резко поворачивает голову.

Он слегка пошатывается, но взгляд твердый и прямой. Ружье опущено, но он, как последний дурак, держит руку на спусковом крючке.

– Ну что, Марджери, может, теперь посмотришь на меня, а?

У Марджери путаются мысли, но она говорит твердым голосом:

– Я вижу тебя, Клем Маккалоу.

– Я вижу тебя, Клем Маккалоу, – передразнивает он Марджери, выплевывая слова, точно задиристый ребенок на школьном дворе. Волосы у Маккалоу сбились набок. Похоже, он еще не проспался. – Ты дальше своего носа вообще ничего не видишь. Да и смотришь на меня как на грязь под ногами. Будто ты какая-то особенная.

Марджери была не робкого десятка, но из опыта общения с этими горцами знала, что с пьяными лучше не связываться. Особенно с теми, кто держит в руках заряженное ружье.

Она поспешно перебрала в голове всех, кого могла обидеть – Господь свидетель, раз, два и обчелся, – но Маккалоу? И ей пришло на ум только одно.

– Если мой отец чем-то и обидел твою семью, то все это быльем поросло и похоронено вместе с ним. Осталась только я, а кровная вражда меня не интересует.

Теперь Маккалоу стоит прямо у нее на пути, снег служит опорой для ног, палец по-прежнему на спусковом крючке. Кожа в сине-фиолетовых пятнах, типичных для того, кто так сильно надрался, что уже не чувствует холода. Возможно, тот, кто так сильно надрался, не попадет в цель, но Марджери не хотелось проверять это на себе.

Она поправляет груз, натягивает вожжи, ее взгляд скользит в сторону. Берега ручья слишком крутые, слишком заросшие, чтобы можно было проехать низом. Придется или уговорить Маккалоу посторониться, или направить мула прямо на него. Искушение сделать последнее слишком вели-

ко.

Мул прижимает уши. Внезапно становится так тихо, что Марджери слышит, как колотится сердце, как стучит кровь в ушах. Марджери рассеянно думает, что ее сердце еще ни разу не билось так громко.

– Мистер Маккалоу, я просто делаю свою работу. И я была бы вам крайне признательна, если бы вы позволили мне проехать.

Он хмурится, в преувеличенно вежливом обращении ему слышится скрытое оскорбление, и, когда он поднимает ружье, Марджери осознает свою ошибку.

– Свою *работу*... Думаешь, ты такая важная птица? Знаешь, что тебе нужно? – Он шумно сплевывает в ожидании ответа. – Девчонка, я спросил, ты знаешь, что тебе нужно?

– У меня имеется сильное подозрение, что мой вариант ответа диаметрально противоположен вашему.

– Ой, я гляжу, ты за словом в карман не лезешь. У тебя на все есть ответы. Думаешь, мы не понимаем, чем вы все тут занимаетесь? Думаешь, мы не знаем, что вы распространяете среди богобоязненных женщин? Мы знаем, что у тебя на уме, Марджери О'Хара, и есть только один способ изгнать дьявола из девицы вроде тебя.

– Ну, я бы рада остановиться и это выяснить, но мне нужно закончить объезд. Быть может, мы продолжим наш разговор...

– Заткнись! – Маккалоу поднимает ружье. – Заткни свою

чертову пасть!

Она поспешно захлопывает рот.

Он делает два шага вперед, широко расставляя увязшие в снегу ноги:

– А ну-ка слезай с мула!

Чарли тяжело топчется на месте. Сердце Марджери становится обледеневшей галькой во рту. Если она развернется и попыбует ускакать, Маккалоу ее пристрелит. Единственная тропа лежит вдоль ручья; лесная подстилка – голые камни, деревья слишком густо растут, чтобы пробраться вперед. И ни одной живой души на многие мили вокруг. Никого, кроме Нэнси, которая медленно пробирается через горную вершину.

Марджери сейчас одна-одинешенька, и он это знает.

Он угрожающе понижает голос:

– Я сказал, слезай с мула. Живо!

Он делает еще два шага вперед, снег скрипит под его ногами.

Вот она, голая правда о Марджери и обо всех женщинах в округе. Не важно, насколько ты умная, насколько сообразительная, насколько самостоятельная, тупой мужлан с ружьем всегда возьмет над тобой вверх. Ствол ружья так близко, что Марджери буквально смотрит в две черные бездонные дыры. Маккалоу с недовольным ворчанием выпускает ружье, позволив ему повиснуть на ремне за спиной, и хватается за вожжи. Мул резко поворачивается, Марджери неуклюже валит-

ся ему на шею и чувствует, как Маккалоу хватает ее одной рукой за бедро, а другой тянется к ружью. Дыхание Маккалоу отдает кислыми алкогольными парами, рука заскорузла от грязи. И буквально каждая клеточка тела Марджери сжигается от отвращения.

А затем она слышит это: звонкий голос Нэнси вдалеке.

О, какой мир мы часто теряем!

О, какую ненужную боль мы несем...

Маккалоу вскидывает голову. Марджери слышит: «Нет!» – и с удивлением понимает, что крик этот вылетает из ее собственного рта. В нее впиваются мужские пальцы, грязная рука тянется к ее талии, и Марджери теряет равновесие. Железная хватка и зловонное дыхание Маккалоу говорят о будущем Марджери, которое превращается в нечто черное и ужасное. Но от холода движения мужчины становятся неуклюжими. Он возится с ружьем, повернувшись к ней спиной, и тут Марджери понимает, что это ее единственный шанс. Левой рукой она лезет в переметную сумку, а когда Маккалоу поворачивает голову, бросает вожжи, нашаривает правой рукой корешок толстой книги и с силой бьет ею – *хрясь!* – мужчину по лицу. Ружье выпадает у него из рук, трехмерное *трах* отражается от деревьев, и Марджери понимает, что пение Нэнси вдруг заглушается дружно взмывшими в небо птицами: дрожащее черное облако хлопающих

крыльев. Маккалоу падает, а мул испуганно взбрыкивает и прыгает вперед, споткнувшись о неподвижное тело, Марджери ахает и хватается за луку седла, чтобы не упасть.

И вот она уже мчится вдоль русла ручья, дыхание застревает в горле, сердце колотится. Ей остается только надеяться, что мул не поскользнется в ледяной воде. У Марджери не хватает духу оглянуться назад, чтобы проверить, не преследует ли ее Маккалоу.

Глава 1

Тремя месяцами раньше

Обмахиваясь руками от жары у дверей магазинов или стараясь держаться в тени эвкалиптов, жители в один голос признавали, что сентябрь выдался не по сезону теплым. В зале собраний Бейливилла стоял густой запах хозяйственного мыла, застарелых духов и тел, втиснутых в выходные поплиновые платья и летние костюмы. Тепло проникло даже в обшитые досками стены: дерево протестующе скрипело и вздыхало. Плотной прижатая к Беннетту, который пробирался вдоль занятых мест, извиняясь перед каждым, кто пропускал их с едва сдерживаемым недовольным вздохом, Элис чувствовала, как в нее проникает тепло всех тел, откидывающихся назад, чтобы их пропустить.

Простите. Простите.

Наконец Беннетт нашел два свободных места, и Элис, с пылающими от смущения щеками, села, не обращая внимания на косые взгляды окружающих. Беннетт посмотрел на лацкан пиджака, сдул несуществующую пылинку, затем уставился на юбку Элис.

– Ты что, не переоделась? – прошептал он.

– Ты же сам сказал, мы опаздываем.

– Я не говорил, чтобы ты появлялась на людях в домашней одежде.

Элис пыталась приготовить картофельную запеканку с мясом, чтобы стимулировать Энни подавать к столу не только блюда южной кухни. Однако картошка позеленела, а кинув мясо на сковороду, Элис вся забрызгалась жиром. Когда Беннетт зашел за ней на кухню (Элис, конечно, забыла о времени), то не мог взять в толк, почему, ради всего святого, перед таким важным мероприятием нельзя было предоставить решение кулинарных вопросов экономке.

Элис прикрыла ладонью самое большое жирное пятно на юбке, исполненная решимости не убирать руку по крайней мере ближайший час. Потому что все наверняка затянется на час. А может, и на два. Или – да поможет ей Господь! – на три часа.

Церковь и собрания. Собрания и церковь. Временами Элис Ван Клив казалось, будто она меняла одно нудное времяпрепровождение на другое. И этим самым утром в церкви пастор Макинтош битых два часа клеймил позором грешников, очевидно лелеявших коварные замыслы верховодить в их маленьком городе, и теперь, обмахнувшись руками, похоже, готов был продолжить разглагольствования.

– Сейчас же надень туфли! – прошептал Беннетт. – Тебя могут увидеть.

– Это все жара, – сказала Элис. – Я же англичанка и не

привыкла к таким температурам.

Элис не увидела, а скорее почувствовала неодобрение мужа. Но ей было слишком жарко, и она слишком устала, чтобы обращать внимание, а голос пастора оказывал нарколептическое действие, и Элис улавливала лишь каждое третье слово или вроде того: *проращение... стручки... мякина... бумажные мешки* – и поняла, что все остальное ее мало волнует.

Замужество, говорили ей, – это увлекательное приключение. Путешествие в другую страну! Ведь как-никак Элис вышла замуж за американца. Новая еда! Новая культура! Новые впечатления! Элис представляла себя в Нью-Йорке, в аккуратном костюме, в шумных ресторанах или на запруженных народом улицах. Она бы писала домой письма, в которых хвасталась бы новыми впечатлениями. *О, Элис Райт? Это не она, случайно, вышла замуж за того шикарного американца? Да, я получила от нее открытку – она была в «Метрополитен-опере» или в Карнеги-Холле...* Но никто не предупреждал Элис, что ее ждут бесконечные светские разговоры с престарелыми тетушками за чашечкой чая, бесконечная куча бессмысленного шитья и штопки, а что еще хуже – бесконечные смертельно скучные церковные проповеди. Бесконечные, длиннющие церковные службы и собрания. И боже, эти мужчины просто упивались звуком собственного голоса! Элис казалось, будто ее непрерывно отчитывают четыре раза в неделю.

По пути домой Ван Кливы успели остановиться в тринадцати церквях, не меньше, и единственная служба, которая понравилась Элис, была в церкви в Чарльстоне, где священник настолько утомил свою паству, что прихожане, потеряв терпение, дружно решили «его перепеть», а когда совсем заглушили его песнопениями, он наконец уловил сигнал и, разгневанный, прикрыл на день свою религиозную лавочку. Тщетные попытки священника перекричать все громче и громче распевающих прихожан были такими смешными, что Элис не выдержала и захихикала. А вот паства в Бейливилле, штат Кентукки, как еще час назад обнаружила Элис, оказалась до ужаса восторженной.

– Элис, просто надень туфли. Пожалуйста.

Элис поймала на себе взгляд миссис Шмидт, в чьей гостиной она пила чай две недели назад, и поспешно устремила глаза вперед, стараясь не выглядеть слишком приветливой на случай, если миссис Шмидт пригласит ее к себе еще раз.

– Что ж, благодарим тебя, Хэнк, за совет, как хранить семена. Уверен, ты дал нам богатую пищу для размышлений.

Элис только было собралась сунуть ноги в туфли, как вдруг пастор добавил:

– О нет, не вставайте, дамы и господа. Миссис Брейди просит уделить ей минутку вашего времени.

Элис, умудренная горьким опытом, снова сняла туфли. Вперед вышла низенькая, средних лет женщина – из тех, что отец Элис называл корпулентными, – крепко сбитая, с проч-

ными формами, при виде которых невольно возникали ассоциации с высококачественным диваном.

– Я насчет передвижной библиотеки. – Миссис Брейди обмахнулась белым веером и поправила шляпку. – У нас уже есть кое-какие успехи, с которыми я хотела бы вас ознакомить. Мы все в курсе того, какое... хм... разрушительное влияние Депрессия оказала на нашу великую страну. Мы уделяли столько внимания выживанию, что очень многие аспекты нашей жизни отошли на задний план. Возможно, некоторые из вас в курсе титанических усилий, которые предпринимают наш президент и миссис Рузвельт с целью привлечь внимание к проблемам грамотности и обучения. Итак, на этой неделе я имела честь присутствовать на чаепитии с миссис Леной Нофсьер, председателем Библиотечной службы родительского комитета штата Кентукки, и она сообщила нам, что Управление общественных работ учредило систему передвижных библиотек в нескольких штатах, причем пару таких здесь, в Кентукки. Некоторые из вас наверняка слышали о библиотеке, организованной здесь, в округе Харлан. Да? Ну, этот проект оказался невероятно успешным. Под эгидой самой миссис Рузвельт и УОР...

– Но ведь она принадлежит к Епископальной церкви.

– Что?

– Миссис Рузвельт. Она принадлежит к Епископальной церкви.

У миссис Брейди дернулась щека.

– Что ж, не станем вменять ей это в вину. Она наша первая леди, и она заботится о том, чтобы сделать нашу страну снова великой.

– Лучше бы заботилась о том, чтобы знать свое место и не лезть куда ни попадая. – Дородный мужчина в светлом льняном костюме потряс двойным подбородком и оглядел собравшихся в поисках поддержки.

Элис рассеянно оглянулась, и Пегги Форман, наклонившаяся вперед, чтобы одернуть юбку, приняла этот взгляд на свой счет. Она нахмурилась и, задрав крошечный носик, что-то пробормотала сидевшей рядом девице, которая в свою очередь смерила Элис недружелюбным взглядом. Элис сразу выпрямилась, прикладывая отчаянные усилия, чтобы не покраснеть.

«Элис, ты не вступишь в здешнее общество, пока не заведешь друзей», – не уставал твердить ей Беннетт, как будто Элис могла стереть кислое выражение с лиц Пегги Форман и компании.

– Твоя подружка снова пытается наложить на меня проклятие, – прошептала Элис.

– Она вовсе не моя подружка.

– Ну, она полагает, что некогда была ею.

– Я ведь тебе уже говорил. Мы были просто детьми. А потом я встретил тебя... Ну и теперь это все в прошлом.

– Мне бы хотелось, чтобы ты так и сказал ей.

Беннетт наклонился к жене:

– Элис, ты всегда чудовищно отчужденная. Люди считают тебя... немного спесивой...

– Беннетт, я ведь англичанка. *Открытость*... нам несвойственна.

– Я только считаю, что чем скорее ты адаптируешься, тем лучше будет для нас обоих. Папа тоже так думает.

– Ой, да неужели?

– Не начинай.

Миссис Брейди недовольно покосилась в их сторону:

– Как я уже говорила, благодаря успеху подобных начинаний в соседних штатах УОР выделило фонды с целью создать нашу собственную передвижную библиотеку здесь, в округе Ли.

Элис с трудом подавила зевок.

* * *

Дома на комодѣ стояла фотография Беннетта в бейсбольной форме. Он только что отбил хоум-ран, и его лицо было одновременно напряженным и ликующим, словно в этот момент он испытывал нечто трансцендентальное. Элис хотелось, чтобы Беннетт хоть разок вот так посмотрел на нее.

Но когда Элис Ван Клив позволяла себе об этом думать, то понимала, что ее замужество стало кульминацией случайных событий. Разбитая фарфоровая собачка, когда они с Дженни Фицджеральд играли дома в бадминтон, так как

на улице шел дождь, и что еще им оставалось делать? Потеря из-за систематических опозданий места в школе секретарей. Явно непристойная выходка, направленная против босса ее отца во время рождественских коктейлей. «Но ведь он положил мне руку на задницу, когда я разносила волованы!» – запротестовала Элис, на что ее мать, вздрогнув, заявила: «Элис, нельзя быть такой вульгарной!» Эти три события, а еще инцидент с участием друзей Гидеона, брата Элис: слишком много ромового пунша и испорченный ковер. Она не знала, что в пунше есть алкоголь! Ей никто не сказал! В результате родители решили предоставить ей, по их словам, «время для размышления», то есть запереть в четырех стенах. Элис собственными ушами слышала, как родители разговаривали на кухне.

«Она всегда была такой. Она точь-в-точь твоя тетка Харриет», – безапелляционно заявил отец, после чего мама целых два дня с ним не разговаривала, словно сама мысль о том, что Элис пошла в родственников по материнской линии, была крайне оскорбительной.

И вот после долгой зимы, в течение которой Гидеон посещал бесконечные балы и коктейли, по уик-эндам пропадал в домах своих друзей или тусовался в Лондоне, Элис мало-помалу выпала из всех списков приглашенных и в основном сидела дома, занимаясь без особого энтузиазма неряшливым вышиванием. Ее единственными выходами в свет были визиты в компании матери к престарелым родственникам или

посещение собраний Женского института, где обсуждались такие животрепещущие темы, как выпечка тортов, составление букетов и «Жития святых». Короче, все будто сговорились свести Элис смертельной тоской в могилу. Элис перестала расспрашивать Гидеона о подробностях светских вечеринок, поскольку от этого ей становилось только хуже. В результате она угрюмо играла в канасту, с небрежным видом жульничала во время игры в «Монополию» или сидела, положив голову на руки, за кухонным столом и слушала радио, где обещали большой мир за пределами душевного мирка ее проблем.

Итак, два месяца спустя, одним прекрасным воскресным днем на церковном весеннем фестивале совершенно неожиданно появился Беннетт Ван Клиф, с его американским акцентом, квадратной челюстью и белокурыми волосами, который принес с собой запахи другого мира, расположенного за миллионы миль от Суррея. Он мог бы быть даже Горбуном из собора Парижской Богоматери, и тогда Элис наверняка согласилась бы, что перебраться на колокольню – действительно отличная идея, спасибо большое.

Все мужчины, как обычно, смотрели на Элис, и Беннетт был сражен наповал элегантной молодой англичанкой с огромными глазами, со стильно подстриженными волнистыми светлыми волосами, с таким чистым звонким голосом, какого ему еще не доводилось слышать у себя в Лексингтоне. И, как заметил его отец, судя по изысканным манерам и

умению изящно поднимать чашечку чая, она вполне могла бы быть британской принцессой. А когда мать Элис призналась, что благодаря брачным связям два поколения назад у них в роду была даже герцогиня, старший Ван Клив едва не испустил дух от радости:

– Герцогиня? Королевских кровей? О, Беннетт, разве это не польстило бы твоей дорогой матушке?

Отец и сын совершали поездку по Европе с миссией программы помощи по линии Объединенной церкви Христа Восточного Кентукки, чтобы проверить, как почитается вера за пределами Америки. Мистер Ван Клив спонсировал также нескольких участников миссии в память о своей покойной жене Долорес, как он имел обыкновение говорить, когда в разговоре наступало временное затишье. Возможно, он и был бизнесменом, но это ничего не значило, абсолютно ничего, если работа не делалась под Божественным покровительством. Элис показалось, что его несколько обескуражили скромные и не слишком бурные проявления религиозного рвения у прихожан церкви Святой Марии, а прихожане в свою очередь были поражены страстной речью пастора Макинтоша о сере и адском пламени. Бедную миссис Арбатнот даже пришлось вывести через боковую дверь на свежий воздух. Но если британцам и не хватало набожности, то, как заметил мистер Ван Клив, они с лихвой компенсировали это своими церквями, своими кафедральными соборами и всей своей историей. *А разве это само по себе не являлось духов-*

ным опытом?

Тем временем Элис и Беннетт были целиком поглощены собственным, ничуть не менее духовным опытом. Они прощались, держась за руки и обмениваясь пылкими заверениями в нежных чувствах, несколько экзальтированными в свете неотвратимой разлуки. А еще они обменивались письмами, пользуясь его остановками в Реймсе, Барселоне и Мадриде. Обмен этот достиг почти лихорадочного напряжения во время приезда Беннетта в Рим, и, когда на обратном пути он сделал Элис предложение, это стало сюрпризом лишь для самых неосведомленных домочадцев, а Элис с проворством птички, увидевшей, что дверца клетки внезапно распахнулась, колебалась не дольше полсекунды, прежде чем сказать «да» своему сгорающему от любви – и уже восхитительно загоревшему – американцу. Ну и какая девушка не сказала бы «да» красивому мужчине с квадратной челюстью, который смотрел на нее как на хрупкую статуэтку? Тем более что все последние месяцы остальные смотрели на нее как на зачумленную.

– Ты само совершенство. – Они сидели, с поднятыми от ветра воротниками, на качелях в саду родителей Элис, Беннетт сжимал ее узкое запястье, а отцы молодых людей благосклонно следили за ними из окна библиотеки, причем оба чувствовали облегчение, хотя и по разным причинам. – Ты такая нежная и утонченная. Совсем как чистокровная лошадь.

– А ты до неприличия красив. Совсем как кинозвезда.

– Маме ты бы очень понравилась. – Он провел пальцем по щеке Элис. – Ты похожа на фарфоровую куклу.

Шесть месяцев спустя он уже не считал ее фарфоровой куклой. Элис была в этом абсолютна уверена.

Они молниеносно поженились, объяснив подобную спешку тем, что мистера Ван Клива ждут дела. У Элис возникло такое ощущение, будто весь ее мир полетел вверх тормашками; она чувствовала себя пьяной от счастья, особенно после того угнетенного состояния, в котором пребывала в течение этой долгой зимы. Мать Элис упаковала ее дорожный сундук с тем же слегка неприличным удовольствием, с каким рассказывала каждому из своего круга о чудесном американском муже Элис и о его богатом промышленнике-отце. Возможно, было бы неплохо, если бы мать Элис выглядела чуть более печальной при мысли о том, что ее единственная дочь переезжает в ту часть Америки, где никто из знакомых никогда не бывал. Однако и Элис точно так же не скрывала своего желания уехать. И только ее брат неприкрыто грустил, хотя Элис не сомневалась, что проведенный в гостях ближайший уик-энд сразу излечит его от тоски. «Я непременно приеду тебя навестить», – сказал Гидеон, но оба знали, что не приедет.

Медовый месяц Беннетта и Элис включал пятидневное плавание по морю в Соединенные Штаты Америки, а затем – поездку по суше из Нью-Йорка в Кентукки. Элис нашла

Кентукки в энциклопедии и сразу заинтересовалась скачками. Казалось, там круглый год проходит День скачек. Элис все приводило в щенячий восторг: их внушительный автомобиль, огромный океанский лайнер, бриллиантовый кулон, который Беннетт купил ей в Берлингтонском пассаже в Лондоне. Элис не возражала против того, что мистер Ван Клив составлял им компанию в течение всей поездки. Ведь как-никак не могли же они бросить пожилого человека в одиночестве, а Элис была настолько воодушевлена перспективой покинуть Суррей, с его притихшими по воскресеньям гостинными и вечной атмосферой молчаливого неодобрения, что не стала возражать.

Если Элис и испытывала смутное неудовольствие тем, что мистер Ван Клив прилип к ним точно банный лист, она быстро смирилась, стараясь казаться именно той восхитительной версией самой Элис, которую оба мужчины предпочитали видеть. На борту океанского лайнера Элис с Беннеттом могли хотя бы прогуливаться после ужина вдвоем по палубе, пока отец Беннетта занимался деловыми бумагами или беседовал с немолодыми пассажирами за капитанским столом. Беннетт обнимал Элис своей сильной рукой, а она поднимала вверх левую ладонь с новеньким сияющим золотым кольцом на пальце, в очередной раз удивляясь тому факту, что она, Элис, стала *замужней женщиной*. Ну а когда они придут в Кентукки, говорила себе Элис, она уже фактически станет *замужней женщиной*, поскольку им троим не придет-

ся делить одну каюту, отгородившись от отца занавеской.

– Это, конечно, не совсем то нижнее белье, которое положено носить невесте, – шепнула Элис, надевая сорочку и пижамные штаны.

После того как мистер Ван Клив во сне перепутал занавеску двуспальной койки молодоженов с дверью в ванную комнату, ни в чем другом Элис не могла чувствовать себя комфортно.

Беннетт поцеловал жену в лоб.

– В любом случае прямо сейчас, когда папа совсем рядом, слишком откровенное проявление чувств было бы неправильным, – прошептал он в ответ и, положив между ними длинный валик, добавил: – А иначе я могу потерять над собой контроль.

И они лежали рядышком, целомудренно держась за руки и шумно дыша, когда под ними вибрировал огромный корабль.

Оглядываясь назад, Элис понимала, что длинное путешествие было наполнено подавленным желанием, тайными поцелуями на палубе за спасательными лодками и полетом воображения, когда волны под ними ритмично взмывали вверх и падали вниз.

– Ты такая прелестная! Когда мы приедем домой, все будет по-другому, – жарко шептал ей на ухо Беннетт, и Элис любовалась красиво вылепленными чертами мужа и зарывалась лицом в его душистую шею, гадая про себя, как долго

она сможет терпеть эту крестную муку.

И потом, после бесконечного путешествия на автомобиле, с бесконечными остановками по дороге из Нью-Йорка в Кентукки у этого священника и у того пастора, Беннетт сообщил, что вопреки ожиданиям Элис они будут жить не в Лексингтоне, а в маленьком городке дальше к югу. Итак, проехав Лексингтон, они продолжили путь по узким пыльным дорогам мимо беспорядочно расположенных и сгруппированных в произвольном порядке домов, над которыми нависали покрытые лесами бесконечные горы. Все отлично, заверила мужа Элис, пытаясь скрыть свое разочарование при виде главной улицы Бейливилла, с парой кирпичных зданий и ведущими в никуда узкими дорогами. Она обожает сельскую местность. И они могут ездить в город подобно тому, как ее мама ездила в лондонский ресторан «Симпсон на Стрэнде». Ведь так? Элис усиленно пыталась сохранять оптимизм, даже узнав, что первый год им придется жить с мистером Ван Кливом. «Я не могу оставить отца одного, пока он горюет по маме. По крайней мере, не сейчас. Любимая, не надо делать такое испуганное лицо, ведь это второй по величине дом в городе. И у нас будет своя комната». А когда наконец они оказались наедине в этой комнате, все, конечно, пошло вкривь и вкось, причем настолько, что у Элис просто не хватило слов это описать.

С привычным зубовным скрежетом, с которым она пережила пансион и «Пони клуб», Элис попыталась принорочиться к жизни в маленьком провинциальном городишке в штате Кентукки. Что было самым настоящим культурным шоком. Она могла обнаружить, сильно постаравшись, некую грубую красоту окружающей природы, с ее бескрайним небом, пустыми дорогами и меняющимся светом, с горами, где между деревьями бродили настоящие дикие медведи, и с парившими над вершинами орлами. Элис приводили в священный ужас масштабы всего, что ее окружало, и огромные расстояния, к которым, казалось, она должна приспособливать собственные виды на будущее. Но, по правде говоря, писала Элис в еженедельных письмах к Гидеону, все остальное было в высшей степени невыносимо.

Она буквально задыхалась в этом большом белом доме, хотя Энни, практически бессловесная экономка, избавила ее от всех домашних обязанностей. Дом, и впрямь один из самых больших в городе, оказался забит тяжелой старинной мебелью, а все свободные поверхности были заставлены фотографиями покойной миссис Ван Клив, или безделушками, или немигающими фарфоровыми куклами, причем при любой попытке Элис хотя бы на дюйм сдвинуть одну из них либо отец, либо сын говорили: «Это мамина любимая». Су-

ровый и благочестивый дух миссис Ван Клив по-прежнему витал в доме, плотным саваном накрывая все кругом.

Маме не понравилось бы, чтобы валики лежали вот так. Разве нет, Беннетт?

Конечно не понравилось бы. У мамы были весьма строгие взгляды на мягкую мебель.

Мама действительно любила вышивать тексты псалмов. А разве пастор Макинтош не говорил, что во всем Кентукки нет такой женщины, у которой стежки на одеяле были бы тоньше?

Элис угнетало постоянное присутствие мистера Ван Клива рядом с ними: он решал, что им делать, что есть, как проводить день. Что бы ни происходило в доме, мистер Ван Клив не мог оставаться в стороне, и даже если Элис с Беннеттом просто заводили в своей комнате граммофон, он врывался к ним без стука и говорил:

– Мы что, слушаем музыку? О, вам нужно поставить Билла Монро. Нет ничего лучше старины Билла. Ну давай, парень, выключи эту какофонию и поставь старину Билла.

А если мистер Ван Клив пропускал стаканчик-другой бурбона, требования уже сыпались как из рога изобилия, и тогда Энни, предвидя, что хозяин дома вот-вот выйдет из берегов и начнет предъявлять претензии по поводу обеда, предпочитала под любым предлогом скрыться на кухне. Он просто скорбит по маме, шептал Беннетт. Нельзя осуждать человека за то, что он не хочет оставаться один на один со своими

мыслями.

Вскоре Элис обнаружила, что Беннетт никогда не спорит с отцом. В тех редких случаях, когда она позволяла себе сказать, очень спокойно, что никогда не была большой любительницей свиных отбивных или что находит джазовую музыку довольно волнующей, отец и сын роняли вилки и неодобрительно смотрели на нее с таким шокированным видом, будто она, раздевшись догола, сплясала джигу прямо на обеденном столе.

– Элис, ну почему нужно быть такой упертой? – шепотом спрашивал Беннетт, когда отец выходил, чтобы проорать Эрни очередные приказания.

И Элис очень быстро поняла, что лучше вообще не высказывать своего мнения.

Вне дома было чуть лучше: жители Бейливилла мерили Элис тем самым оценивающим взглядом, каким привыкли смотреть на все «иностранное». Большинство людей в городе были фермерами; они прожили жизнь в радиусе нескольких миль отсюда и знали друг о друге абсолютно все. Конечно, там были и иностранцы. Они работали на «Хоффман майнинг», а именно пятьсот шахтерских семей со всего мира, за которыми надзирал мистер Ван Клив. Однако большинство шахтеров жили в домах, предоставленных им компанией, ходили в принадлежавшие компании магазин и школу, пользовались услугами врача компании и были настолько бедны, что не могли позволить себе личный транспорт или

хотя бы лошадь, а потому крайне редко пересекали пределы Бейливилла.

Каждое утро мистер Ван Клив и Беннетт отправлялись в автомобиле на шахту и возвращались в начале седьмого вечера. В этот промежуток Элис как могла убивала время в чужом доме. Она попыталась подружиться с Энни, однако та своим молчанием и преувеличенным усердием в выполнении домашней работы однозначно дала понять, что не собирается вступать в разговоры. Элис предложила ей помощь в приготовлении обеда, но Энни, безошибочно угадав, что Элис ничего не смыслит в блюдах южной кухни, заявила, что мистер Ван Клив крайне трепетно относится к своей диете и предпочитает исключительно южную еду.

Большинство домашних хозяйств выращивали собственные фрукты и овощи, и мало кто не держал свинью или кур. В городе был только один большой магазин, где вдоль дверного прохода высились мешки с мукой и сахаром, а полки были заставлены консервными банками, и только один ресторан – «Найс-н-квик», с зеленой дверью и объявлением, строго предписывающим клиентам приходить в обуви. В ресторане подавались блюда, о которых Элис в жизни не слышала, вроде жареных зеленых томатов и листовой капусты, а еще нечто такое, что они называли печеньем, но на самом деле оказалось чем-то средним между пшеничной лепешкой и пышкой. Элис как-то попробовала приготовить печенье, но из-за капризной плиты оно получилось не мягким и воздуш-

ным, как у Энни, а настолько жестким, что буквально загорело, когда его бросили на тарелку. Элис могла поклясться, что Энни его сглазила.

Местные дамы несколько раз приглашали Элис на чай, и она честно пыталась поддержать беседу, но не находила темы для разговоров, поскольку ничего не смыслила в квилтинге, чем, похоже, здесь увлекались все поголовно, и не знала имен, вокруг которых крутились сплетни. А первое чаепитие, устроенное Элис, дало богатую пищу для разговоров о том, как она подала к чаю «крекеры», а не «печенье». Что, по мнению дам, объяснялось ее истеричностью.

И в результате самым простым было сидеть у себя в комнате на кровати, снова и снова перечитывать немногие привезенные из Англии журналы и писать очередное письмо Ги деону, стараясь не выдавать печального положения дел.

Со временем она поняла, что поменяла одну домашнюю тюрьму на другую. Порой Элис казалось, что у нее не хватит сил пережить очередной тоскливый вечер, когда отец Беннетта, сидя в скрипучем кресле-качалке на крыльце, вслух читает Библию (*Слово Божье должно быть единственным умственным стимулом. Разве не так говорила наша мама?*), а она, вдыхая дым от пропитанных маслом тряпок, которые жгли, чтобы спастись от комаров, латает его старую одежду (*Господь не любит расточительства. Элис, этим штанам всего четыре года. Они еще очень на славу послужат*). Элис ворчала про себя, что если бы Господу пришлось сидеть в

темноте и латать чьи-то штаны, то Он, вероятно, купил бы Себе новую пару брюк в магазине мужской одежды Артура Дж. Хармона в Лексингтоне, но продолжала вымученно улыбаться и, напрягая глаза, делать новые стежки. Между тем у Беннетта на лице все чаще появлялось растерянное выражение человека, которого обвели вокруг пальца и который теперь не может понять, как такое могло случиться.

* * *

– Итак, что такое передвижная библиотека, черт побери?! Элис оторвал от воспоминаний резкий тычок острого локтя Беннетта.

– Они организовали такую в Миссисипи, доставляют книги по воде, – слышался чей-то голос в дальнем конце зала собраний.

– Но по нашим ручьям на лодках точно не проплыть. Слишком мелко.

– По-моему, план состоит в том, чтобы использовать лошадей, – сказала миссис Брейди.

– Они что, собираются перевозить лошадей вверх и вниз по реке? С ума сошли!

Из Чикаго пришли первые книги, сообщила миссис Брейди, и остальные уже на подходе. Большой выбор художественной литературы от Марка Твена до Шекспира, практические руководства с рецептами, советами по домоводству

и воспитанию детей, а также комиксы – дети будут визжать от восторга.

Элис бросила взгляд на наручные часы, гадая, когда наконец сможет получить свою порцию ледяной стружки в сиропе. Единственным плюсом этих собраний была возможность не сидеть весь вечер дома. Даже страшно подумать, что они станут делать зимой, ведь у них не будет подходящего предложения куда-нибудь сбежать.

– Интересно, и у какого мужчины найдется время кататься верхом? Нам нужно работать, а не наносить визиты с последним номером журнала «Ледис хоум».

По залу пробежала волна сдержанного смеха.

– Хотя Том Фарадей обожает рассматривать картинки с женским бельем в каталоге «Сирс». Я слышал, он часами изучает их в туалете!

– Мистер Портеус!

– Это не мужчины, а женщины! – послышался чей-то голос.

Зал на секунду притих.

Элис оглянулась посмотреть. На пороге задней двери стояла женщина в темно-синей хлопковой куртке с закатанными рукавами, кожаных штанах и в сапогах, заляпанных грязью. На вид лет около сорока, лицо красивое, длинные темные волосы затянуты небрежным узлом.

– Верхом ездят женщины. Распространяют книги.

– Женщины?

– Что, одни? – спросил какой-то мужчина.

– Последний раз, когда я смотрела на себя в зеркало, то видела, что Бог дал мне две руки, две ноги, совсем как у мужчин.

По залу снова пробежал ропот. Заинтригованная, Элис пригляделась получше.

– Спасибо, Марджери. В округе Харлан нашлось шесть женщин, и система уже создана и работает. И, как я сказала, мы собираемся запустить здесь нечто подобное. У нас есть два библиотекаря, а мистер Гислер любезно согласился дать нам лошадей. И мне хотелось бы воспользоваться представившейся возможностью, чтобы поблагодарить его за щедрость. – Миссис Брейди жестом пригласила молодую женщину выйти вперед. – Многие из вас наверняка знают мисс О’Хара.

– Ну да, мы хорошо знаем семейство О’Хара.

– Тогда вы в курсе, что за последние несколько недель она помогла нам наладить дело. У нас также есть Бет Пинкер. Бет, встань, пожалуйста... – (С места смущенно поднялась и снова села веснушчатая девушка с курносым носом и русыми волосами.) – Которая работает с мисс О’Хара. И одна из многих причин, почему я созвала это собрание, состоит в том, что нам нужны еще дамы, разбирающиеся в литературе и организации библиотечного дела, чтобы мы могли продвигаться вперед с реализацией этого наиважнейшего гражданского проекта.

Слова попросил мистер Гислер, торговец лошадьми. Он встал с места и после секундного колебания начал спокойно и уверенно говорить:

– Что ж, по-моему, замечательная идея. Моя мать была большой любительницей чтения, и я предложил отдать свой старый коровник под библиотеку. Я верю, что все разумные люди здесь поддержат это начинание. Благодарю. – Он сел на место.

Марджери О’Хара, прислонившись спиной к письменному столу в передней части зала, пристально взгляделась в море лиц перед собой. Элис услышала пробежавший по залу неодобрительный шепоток, но Марджери О’Хара это, похоже, нисколько не задело.

– Наш округ слишком большой, – продолжила миссис Брейди. – Силами всего двух девушек тут явно не справиться.

Какая-то сидевшая впереди женщина спросила:

– И что за штука такая? Ваша конная библиотека?

– Ну, библиотекари будут ездить на лошадях в самые отдаленные поселения, чтобы обеспечить материалами для чтения тех, у кого нет возможности посещать библиотеку округа, скажем, в силу слабого здоровья, немоги или отсутствия транспортных средств. – Миссис Брейди опустила голову, поправив на носу очки для чтения. – Мне хотелось бы добавить, что это будет способствовать распространению образования, поможет нести знания в те места, где их, к величай-

шему сожалению, катастрофически не хватает. Наш президент и его супруга верят, что данный проект вернет знания и образованность на передние рубежи сельской жизни.

– Лично я не позволю своей благоверной скакать по горам! – выкрикнул кто-то с задних рядов.

– Генри Портеус, похоже, ты просто боишься, что она не вернется назад, а?

– Тогда забирайте мою! Лично я буду просто счастлив, если она ускачет прочь и больше не вернется.

Зал дружно расхохотался.

Миссис Брейди не могла скрыть разочарования.

– Джентльмены, пожалуйста! – Она повысила голос. – Я прошу хоть кого-нибудь из наших дам принять участие в создании общественного блага и записаться в добровольцы. Управление общественных работ обеспечит нас лошадьми и книгами, а от вас лишь потребуется доставлять книги по крайней мере четыре дня в неделю. Конечно, придется рано вставать, да и день будет долгим, учитывая топографию нашей прекрасной местности, но ваш труд будет сторицей вознагражден.

– Тогда почему бы вам самой этим не заняться? – спросил кто-то из зала.

– Я с большим удовольствием записалась бы в волонтеры, но, как многие из вас отлично знают, меня мучают боли в ногах. Доктор Гарнетт предупреждал, что поездки верхом на такие расстояния будут слишком опасной физической на-

грузкой. Поэтому в идеале мы ищем волонтеров среди дам помоложе.

– Но это небезопасно для молодой леди. Лично я против.

– Твоя правда. Женщины должны следить за домом. Ну и что дальше? Женщины спустятся в шахты? Сядут за руль лесовозов?

– Мистер Симмондс, если вы не способны увидеть разницу между лесовозом и экземпляром «Двенадцатой ночи», то нам остается лишь надеяться, что только Господь Бог спасет экономику Кентукки, поскольку лично я не знаю, куда мы таким образом придем.

– Семьи должны читать Библию. И ничто иное. И кто в любом случае проследит за тем, что они там будут пропагандировать? Вы же знаете, какие они там у себя на севере! Они способны распространять самые безумные идеи.

– Это всего-навсего книги, мистер Симмондс. Те самые, по которым вы учились, будучи ребенком. Хотя тогда, если мне не изменяет память, вы предпочитали дергать девочек за косички, нежели читать книги.

В зале раздался очередной взрыв смеха.

Никто не шелохнулся. Какая-то женщина посмотрела на своего мужа, но он едва заметно покачал головой.

Миссис Брейди подняла руку:

– Ой, совсем забыла сказать. Это оплачиваемая работа. В нашем округе вознаграждение составит двадцать восемь долларов в месяц. Итак, кто хотел бы записаться?

В зале слышались перешептывания.

– Я не могу, – заявила какая-то женщина с экстравагантно заколотыми рыжими волосами. – Только не с четырьмя детьми и с пятым на подходе.

– Ну а я решительно не понимаю, зачем нашему правительству тратить с таким трудом заработанные деньги налогоплательщиков на обеспечение книгами людей, которые даже не умеют читать, – заявил мужчина с двойным подбородком. – Ведь половина из них даже не ходит в церковь.

В голосе миссис Брейди слышались едва заметные нотки отчаяния.

– Испытательный срок – один месяц. Ну давайте же, дамы! Я не могу вернуться и сказать миссис Нофсьер, что в Бейливилле не нашлось ни одного добровольца. И что она о нас подумает?

Все примолкли. Пауза затягивалась. Слева от Элис пчела лениво билась в окно. Люди начали нетерпеливо ерзать на местах.

Несгибаемая миссис Брейди обозрела собрание:

– Ну давайте! Не стоит повторять инцидент с учреждением Фонда помощи сиротам.

И тут совершенно неожиданно многие дамы сочли необходимым срочно проверить состояние своих туфель.

– Никого? Да неужели? Что ж, тогда... Иззи будет первой. Крошечная, почти идеально круглая девушка, практически не видная за спинами присутствующих, поднесла руку

ко рту. Элис даже не услышала, а скорее увидела, как рот девушки протестующе округлился:

– Мама!

– Итак, у нас уже есть один волонтер. Моя маленькая девочка не побоится исполнить свой долг перед нашей страной. Ведь так, Иззи? Ну, кто еще? – (Все как воды в рот набрали.) – Больше никого? Неужели вы не находите обучение важным делом? Неужели вы не считаете нужным поощрять те семьи, которым повезло меньше, чем вам, в получении образования? – Она обвела гневным взглядом зал собраний. – Что ж, это совсем не та реакция, на которую я рассчитывала.

– Я согласна, – в полной тишине произнесла Элис.

Миссис Брейди прищурилась, поднеся руку к глазам:

– Миссис Ван Клив, если не ошибаюсь?

– Да, так точно. Элис.

– Ты не можешь на это подписаться! – взволнованно прошептал Беннетт.

Элис наклонилась вперед:

– Мой муж как раз говорит мне, что свято верит в необходимость выполнения своего гражданского долга – впрочем, так же, как это делала его незабвенная матушка. Поэтому я буду счастлива предложить свои услуги.

Все глаза обратились к Элис, и у нее сразу зашипало кожу лица.

Миссис Брейди принялась еще более яростно обмахиваться веером:

– Но, дорогая, вы совершенно не знаете наших мест. Не уверена, что это будет разумным.

– Да, – прошипел Беннетт. – Элис, ведь ты здесь совершенно не ориентируешься.

– Я все ей покажу. – Марджери О’Хара кивнула Элис. – Я буду ездить с ней неделю или две. И мы постараемся держаться поближе к городу, пока она не освоится.

– Элис, я... – прошептал Беннетт, бросив взволнованный взгляд на отца.

– А вы умеете ездить верхом?

– Я занимаюсь верховой ездой с четырех лет.

Миссис Брейди с довольным видом покачалась на каблучках:

– Ну вот и славно, мисс О’Хара. У вас уже есть двое библиотечарей.

– И это только начало.

Марджери О’Хара улыбнулась Элис, и та непроизвольно улыбнулась в ответ.

– Лично я не считаю это разумной затеей, – возразил Джордж Симмондс. – И прямо завтра я непременно напишу губернатору Хэтчу и все ему расскажу. На мой взгляд, посылать молодых женщин без сопровождающих – значит накликать на себя беду. Миссис Брейди, по-моему, эта плохо продуманная идея – уж не знаю, кто ее предложил, первая леди или кто другой, – лишь спровоцирует безбожные мысли и непристойное поведение. Мое почтение, миссис Брейди.

– Мое почтение, мистер Симмондс.

Присутствовавшие начали тяжело подниматься с мест.

– Увидимся в библиотеке в понедельник утром, – сказала Марджери О’Хара, когда они вышли на солнечный свет, и пожала Элис руку. – Можешь называть меня Мардж. – Она взглянула на небо, надела широкополую кожаную шляпу и направилась к большому мулу, которого приветствовала с восторженным удивлением, словно старого друга, случайно встреченного на улице.

Беннетт проводил Марджери взглядом, после чего заявил:

– Миссис Ван Клив, ума не приложу, что вы такое творите.

Ему пришлось повторить свои слова дважды, прежде чем Элис вспомнила, что теперь это ее новая фамилия.

Глава 2

Бейливилл ничем не выделялся на фоне других городишек в районе Южных Аппалачей. В городке, примостившемся между двумя хребтами, две главные улицы, хаотично застроенные кирпичными и деревянными домами, сходились в виде буквы «V», от которой ответвлялись многочисленные извилистые дорожки и тропинки, ведущие вниз, к отдаленным поселкам, и вверх – к разбросанным по лесистым горным грядам домикам. В этих домах, расположенных в верховьях ручья, традиционно жили самые зажиточные и уважаемые семьи – вести законопослушное существование проще на равнине, а перегонный аппарат было удобнее прятать высоко в горах, – однако с годами в связи с притоком шахтеров и специалистов среднего звена, а также с незначительными изменениями демографии городка и всего округа стало невозможным определить, кто есть кто, лишь судя по тому, на каком ответвлении дороги он живет.

Конная библиотека UOP в Бейливилле располагалась в последней деревянной постройке в верховьях Сплит-Крика, на правом повороте Мейн-стрит в сторону дороги, вдоль которой селились белые воротнички, владельцы магазинов, а также те, кто выращивал на продажу сельхозпродукцию. В отличие от других приземистых домов, установленных для защиты от весенних паводков на сваях, здание библиотеки

было буквально распластано по земле. Размеры постройки, находившейся в полутени огромного дуба слева от него, составляли примерно пятнадцать на двенадцать шагов. Перед входом располагалось шаткое деревянное крыльцо, а задняя дверь была достаточно широкой, чтобы впустить корову.

— Для меня это отличный способ познакомиться с жителями города, — заявила Элис свекру и мужу за завтраком, когда Беннетт в очередной раз усомнился в разумности выбора подобной работы. — Вы ведь именно этого хотели? И тогда мне не придется весь день путаться у Энни под ногами. — Элис обнаружила, что, когда она специально утрирует свой английский акцент, им становится сложнее с ней спорить; в последние недели ее аристократический выговор стал почти королевским. — И конечно, так я смогу узнать, кто нуждается в религиозной поддержке.

— Это не лишено здравого смысла. — Мистер Ван Клив вынул изо рта хрящ от бекона и осторожно положил его на край тарелки. — Она может этим заниматься, пока у вас не появятся дети.

Элис и ее муж старательно избегали встречаться глазами. И вот теперь Элис, взметая сапогами дорожную пыль, приближалась к одноэтажной постройке. Элис приложила руку козырьком ко лбу и прищурилась. Табличка со свежей краской гласила: «Конная библиотека УОР США», изнутри доносился раскатистый стук молотка. Накануне вечером мистер Ван Клив позволил себе лишнего и утром проснулся,

явно настроенный сорвать злость на домочадцах, обвинив их во всех смертных грехах. Включая и то, что они имеют наглость дышать. Элис натянула бриджи и тихонечко выбралась наружу, собираясь преодолеть пешком полмили до библиотеки. Девушка была так счастлива получить возможность убраться подальше от дома, что на радостях даже начала напевать себе под нос.

Она остановилась в паре шагов от здания библиотеки и попыталась заглянуть внутрь, но внезапно услышала тихий гул автомобильного мотора, а еще странный звук, природу которого было трудно определить. Элис увидела приближающийся грузовик и испуганное лицо водителя.

– Тпру! Берегись!

Резко развернувшись, Элис обнаружила, что прямо на нее по узкой дороге несется лошадь без наездника, стремяна хлопали по взмыленным бокам, поводья опутывали тонкие ноги. Грузовик вильнул в сторону, чтобы избежать столкновения, лошадь шарахнулась и споткнулась, отправив Элис лицом в дорожную пыль.

Словно в тумане, Элис заметила проскочившую мимо нее пару ног в штанах из грубой ткани, затем услышала рев автомобильного гудка и цокот подков.

– Тпру... тпру, тебе говорят! Тпру, приятель...

– Ой! – Элис потерла локоть, в голове звенело.

Когда она наконец села, то увидела в нескольких ярдах от себя мужчину, который держал лошадь за поводья и гла-

дил ее по шее, пытаясь успокоить. Глаза животного побелели, жилы на шее вздулись, сделав ее похожей на рельефную карту.

– Ну что за дурак! – По дороге в их сторону бежала молодая женщина. – Старина Ванс специально нажал на гудок, чтобы лошадь сбросила меня с седла.

– Вы в порядке? Вы здорово навернулись. – Крепкая мужская рука помогла Элис подняться.

Растерянно моргая, она посмотрела на обладателя руки: высокого мужчину с сочувственным взглядом, в комбинезоне и клетчатой рубашке. Из рта у мужчины все еще торчал гвоздь. Выплюнув гвоздь в ладонь, мужчина сунул его в карман, после чего обменялся с Элис рукопожатием:

– Фредерик Гислер.

– Элис Ван Клив.

– Английская жена, стало быть.

Ладонь у Гислера была шершавой.

К ним подошла, тяжело дыша, та самая молодая женщина, ее звали Бет Пинкер, и с недовольным ворчанием взяла у Фредерика Гислера поводья:

– Скутер, похоже, ты растерял все чертовы мозги, с которыми родился!

Фредерик Гислер повернулся к Бет Пинкер:

– Я ведь говорил тебе, Бет, ты не можешь пускать чистокровного галопом. Он становится точно пружина. Веди его первые двадцать минут медленным шагом, и он будет весь

день как шелковый.

– У кого есть время идти медленным шагом? В полдень мне нужно быть в Пейнт-Ли́ке. Черт, я из-за него порвала свои лучшие бриджи! – Бет, тихо бормоча, потянула за собой лошадь в сторону строительного мостика, но внезапно повернулась к Элис. – Ой, так ты новая девушка? Мардж просила передать тебе, что скоро будет.

– Спасибо. – Элис подняла ладонь и обнаружила впившиеся в кожу мелкие камешки.

Бет проверила седельные сумки, снова выругалась, развернула лошадь и легким галопом поскакала вперед по дороге.

Фредерик Гислер покачал головой.

– С вами точно все в порядке? – спросил он. – Я могу принести вам воды.

Элис пыталась сохранять невозмутимый вид, словно у нее совсем не болел локоть, а верхнюю губу не украшал тонкий слой гравия.

– У меня все отлично. Я просто... посижу здесь на ступеньке.

– На приступке? – ухмыльнулся Фредерик Гислер.

– Ну да, и на нем тоже.

Фредерик Гислер оставил Элис сидеть на ступеньке. Он прибивал к стенам библиотеки грубые сосновые полки, под которыми ждали своей очереди коробки с книгами. Одна стена была уже уставлена разнообразными книгами с аккумуля-

ратными этикетками, а груда литературы в углу свидетельствовала о том, что некоторые книги успели вернуть. В отличие от дома Ван Кливов, атмосфера этого неказистого строения была наполнена смыслом, создавая у любого входящего ощущение, что вскоре оно будет приносить людям пользу.

Пока Элис сидела на крыльце, стряхивая грязь с одежды, мимо нее по другой стороне дороги прошли две молодые женщины в длинных юбках из жатого ситца и широкополых шляпах, защищавших лицо от солнца. Женщины бросили взгляд в сторону Элис и, наклонив друг к другу головы, зашушукались. Элис улыбнулась и неуверенно помахала им рукой, однако женщины нахмурились и поспешно отвернулись. Элис со вздохом поняла, что это, должно быть, подруги Пегги Форман. Очевидно, подумала Элис, мне не помешало бы повесить на шею табличку: «Нет, я не знала, что у него была возлюбленная».

– Фред говорит, ты умудрилась упасть, еще даже не сев на лошадь. Это ж надо так постараться!

Элис подняла голову и встретила взглядом с Марджери О’Хара, которая сидела верхом на довольно безобразной лошади с невероятно длинными ушами и вела на поводу коричневого с белым пони.

– Хм... ну... я...

– Ты когда-нибудь ездила на муле?

– А что, это и есть мул?

– Конечно. Только ему не говори. Он считает себя араб-

ским скакуном. – Марджери прищурилась на Элис из-под широких полей шляпы. – Можешь попробовать сесть на этого пегого пони. Ее зовут Спирит. Она довольно раздражительная, но не спотыкается. Впрочем, так же, как и мой Чарли. И чуть что не останавливается. Вторая девушка сегодня не придет.

Элис встала и погладила пони по белому носу. Маленькая лошадка прикрыла глаза. Ресницы у нее были наполовину белыми, наполовину коричневыми, и пахло от нее сладкой луговой травой. И на Элис сразу же нахлынули воспоминания о том, как летом она ездила верхом в бабушкином поместье в Суссексе. Элис тогда было четырнадцать, она могла пропадать в полях и лесах целыми днями, и никто не указывал ей, как нужно себя вести.

Элис, ты слишком импульсивна.

Она наклонилась вперед и понюхала мягкие, словно у ребенка, волосы на ушах лошадки.

– Ты что, так и будешь с ней миловаться? Или все-таки поедешь верхом?

– Прямо сейчас? – удивилась Элис.

– Ждешь разрешения от миссис Рузвельт? Ну, давай. Путь предстоит неблизкий.

И, не дождавшись ответа, Марджери развернула мула, так что Элис оставалось только вскарабкаться на спину маленькой пегой лошадки и двинуться вслед за напарницей.

Первые полчаса Марджери О'Хара практически не разговаривала с Элис, и та молча ехала следом, пытаясь приспособиться к совершенно иному стилю верховой езды. В отличие от девушек, с которыми Элис ездила верхом у себя в Англии, Марджери не пыталась держать спину прямо, пятки вниз, подбородок вверх. Она сидела очень расслабленно и, чтобы амортизировать толчки, раскачивалась, точно молодое деревце, направляя мула вверх и вниз по холмам. При этом к мулу она обращалась гораздо чаще, чем к Элис. Марджери распекала его или напевала ему песенки, а время от времени, словно вспомнив о присутствии Элис, разворачивалась на сто восемьдесят градусов и кричала:

– Ну ты как там, нормально?

– Отлично! – кричала в ответ Элис, отчаянно стараясь не качаться из стороны в сторону, когда маленькая лошадка периодически пыталась развернуться и помчаться обратно в город.

– Она просто проверяет тебя на вшивость, – сказала Марджери, когда Элис невольно взвизгнула. – Как только ты дашь ей понять, что ты тут главная, она сразу же станет шелковой.

Элис, чувствуя, как маленькая кобылка раздраженно горбится под ней, отнюдь не была в этом уверена, но решила не

жаловаться, чтобы Марджери, не дай бог, не подумала, будто она, Элис, не годится для доставки книг. Они проехали через маленький городок, затем мимо тучных огородов с кукурузой, томатами, зеленью. Марджери то и дело прикладывала руку к полям шляпы, здороваясь с идущими по дороге людьми. Пони и мул недовольно фыркали и взбрыкивали, когда мимо проезжал очередной грузовик с бревнами, но вот они оказались за городом и теперь поднимались по крутой узкой тропе. Марджери немного сдала назад там, где тропа слегка расширилась, и они с Элис поехали рядом.

– Значит, ты та самая девушка из Англии? – спросила Марджери.

– Да. – Элис остановилась, чтобы ее не хлестнуло по лицу низкорастущей веткой. – А ты там когда-нибудь была?

Марджери ехала не оборачиваясь, и поэтому Элис пришлось напрягаться, чтобы слышать, о чем та говорит.

– Я вообще не бывала нигде восточнее Льюисбурга. Там когда-то жила моя сестра.

– Ой, а она что, переехала?

– Она умерла. – Марджери отломала от ветки прутик и, бросив поводья на шею мула, принялась обдирать с него листву.

– Мне так жаль. А другие родственники у тебя есть?

– Были. Одна сестра и пятеро братьев. Но из всех осталась только я.

– Ты живешь в Бейливилле?

– Чуть-чуть подальше. В том же доме, где когда-то родилась.

– Так ты ни разу в жизни не переезжала?

– Ага.

– Неужели тебе не интересно?

– Интересно – что?

– Ну, я не знаю, – пожала плечами Элис. – Познакомиться с новыми местами?

– А зачем? Разве там, откуда ты приехала, намного лучше?

Элис вспомнила сокрушительную тишину родительской гостиной, тихий скрип передних ворот, папин свист сквозь зубы, когда каждое субботнее утро он полировал свой автомобиль, звяканье перекладываемых ложек и рыбных вилок на тщательно отглаженной воскресной скатерти. Затем Элис обвела глазами бескрайние зеленые пастбища и нависающие над ними огромные горы. В безмятежно-синем небе, высоко над головой, кружил с криками ястреб.

– Наверное, нет.

Марджери сбавила темп, чтобы Элис могла с ней поравняться.

– Здесь есть все, что мне нужно. Я делаю что хочу. Люди, как правило, предпочитают ко мне не лезть. – Марджери наклонилась погладить мула по шее. – И мне это нравится.

Элис почувствовала некий психологический барьер в словах Марджери и решила больше не донимать ее вопросами.

Следующую пару миль они проделали молча, и Элис вдруг ощутила, что седло натерло ей внутреннюю поверхность бедра, а жаркое солнце напекло неприкрытую голову. Марджерри подала знак свернуть налево в просвет между деревьями.

– Здесь нам придется подняться в гору. Советую покрепче держать поводья на случай, если Спирит снова начнет дурить.

И тут маленькая лошадка стрелой помчалась вперед. Они галопом поскакали по длинной каменистой тропе, которая становилась все более тенистой, пока не оказались в горах. Лошади вытягивали шею и, опустив голову, с усилием поднимались по крутым горным тропам. Элис вдыхала прохладный воздух, сладкие запахи лесной сырости, на камнях перед ними лежали пятна преломленного света, а полог леса над головой напоминал своды собора, откуда доносились трели птиц. Она прильнула к шее лошадки и внезапно почувствовала себя удивительно счастливой. Когда лошади замедлили шаг, Элис обнаружила, что широко улыбается, совершенно непроизвольно. Потрясающее ощущение! словно у нее внезапно отросла отрезанная конечность.

– Это северо-восточный маршрут. Думаю, было бы разумно разделить его на восемь участков.

– Боже, как здесь красиво! – воскликнула Элис.

Она смотрела во все глаза на гигантские бледно-желтые камни, казалось возникающие ниоткуда и образующие естественные укрытия. Повсюду выступали скалы: либо массив-

ные глыбы с плоским верхом, либо каменные арки, образованные за века водными потоками или ветром. Здесь Элис отделяли от города, от Беннетта с его отцом не только географические особенности местности. Здесь она словно оказалась на другой планете, где даже законы гравитации работают по-другому. Тихо стрекотали кузнечики в траве, птицы парили над головой, лошади лениво помахивали хвостом, сгоняя мух с крупа.

Марджери провела мула под каменным выступом и сделала знак Элис следовать за ней.

– Посмотри сюда. Видишь эту дыру? Это дробильная дыра. Ты знаешь, что это такое? – (Элис покачала головой.) – Здесь индейцы дробили кукурузу. Видишь вон те две выемки в камне? На этом камне покоилась задница старого вождя, наблюдавшего за тем, как работали женщины.

Элис, почувствовав, что краснеет, вымученно улыбнулась. Она испуганно посмотрела на деревья, расслабленного состояния как не бывало.

– А они что, по-прежнему здесь живут?

Марджери бросила на нее лукавый взгляд из-под полей шляпы:

– Думаю, вы в безопасности, миссис Ван Клиф. К этому времени они уже наверняка ушли на ланч.

Девушки остановились под железнодорожным мостом перекусить взятыми с собой сэндвичами, после чего всю первую половину дня ехали через горы: тропинки петляли и

раздваивались. Элис уже перестала понимать, где они находятся и куда следуют. Ей никак не удавалось определить северное направление, поскольку кроны высоченных деревьев закрывали небо, заслоняя солнце. Она спросила Марджери, когда они смогут сделать остановку и облегчиться, на что Марджери лишь махнула рукой:

– Выбирай любое дерево, какое понравится. Не стесняйся.

Новая знакомая Элис отличалась непривычной, очень энергичной манерой говорить, причем все разговоры в основном крутились вокруг тех, кто уже умер или пока еще, к счастью, нет. В ее жилах течет кровь чероки, заявила Марджери.

– Мой прапрадедущка женился на девушке из племени чероки. У меня волосы, как у чероки, и красивый прямой нос. Мы все в нашей семье были чуть смуглыми, хотя моя кузина родилась альбиноской.

– А как она выглядела?

– Она умерла в два года. Ее укусила мокасиновая змея. Все думали, что она просто капризничает, пока не увидели след от укуса. Но было уже слишком поздно. Ой, кстати, ты должна остерегаться змей. Ты что-нибудь знаешь о змеях?

Элис покачала головой.

Марджери растерянно заморгала, словно у нее в голове не укладывалось, что кто-то мог не знать о змеях.

– Ну, ты в курсе, что у самых ядовитых из них голова обычно в форме лопаты?

– Я поняла. – Элис подождала секунду. – Такие квадратные? Или теми, что копают, с заостренным концом? У папы была даже дренажная лопатка, которая...

– Ладно, просто старайся держаться от змей подальше, – тяжело вздохнула Марджери.

По мере того как они поднимались в горы, оставив ручей позади, Марджери периодически спрыгивала с мула, чтобы обвязать ствол дерева красной бечевкой. Марджери обрезала бечевку перочинным ножом или просто перекусывала ее, выплевывая концы. Это поможет Элис найти обратную дорогу на широкую тропу, объяснила Марджери.

– Видишь дом старика Маллера по левую руку? Видишь дым из трубы? Он живет здесь с женой и четырьмя детьми. Она не умеет читать, но старший сын умеет, и он ее научит. Маллеру не слишком нравится идея учить детей, но он работает в шахте от зари до темна, поэтому я в любом случае снабжаю их книгами.

– А хозяин дома не возражает?

– Он ничего не знает. Он возвращается домой, смывает с себя пыль, ест ту стряпню, что приготовила ему жена, и засыпает еще до захода солнца. Работа там тяжелая, и все они возвращаются жутко усталыми. А кроме того, она прячет книги в сундуке с платьями. Он туда никогда не заглядывает.

Оказывается, Марджери уже несколько недель в одиночку занималась закладыванием основ библиотеки. Они про-

езжали мимо маленьких домиков на сваях; крошечных, крытых дранкой заброшенных лачуг, казалось способных развалиться от малейшего дуновения ветра; хижин с выставленными возле них ветхими подставками для овощей и фруктов на продажу. Марджери, показывая на каждый домик, объясняла, кто там живет, умеют ли его обитатели читать, что их может заинтересовать и, наконец, какие дома лучше обходить стороной. Самогонщиков в основном. Они тайно гонят алкоголь с помощью перегонных кубов, спрятанных в лесу. Итак, там были те, кто гнал самогон, и те, кто мог запросто пристрелить вас, если вы случайно наткнетесь на перегонный куб, и, конечно, те, кто пил самогонку, в связи с чем находиться поблизости было явно небезопасно. Похоже, Марджери знала все обо всех, и теперь она выдавала каждую крупицу имеющейся информации в той же свободной лаконичной манере. Вон там дом Боба Гиллмана – он лишился руки, которая попала в один из станков на заводе в Детройте, и вернулся сюда, чтобы жить со своим отцом. А это дом миссис Кохлан – муж колотил ее почему зря, но однажды он вернулся домой здорово поддатым, и она зашила его прямо в простыню на кровати, после чего принялась стегать хлыстом до тех пор, пока он клятвенно не пообещал больше не давать волю рукам. А вот тут взорвались два перегонных куба, грохот стоял такой, что было слышно в соседних округах. Кэмпбеллы до сих пор обвиняют Маккензи, а когда напьются, то время от времени стреляют по окнам.

– А тебе никогда не бывает страшно? – спросила Элис.

– Страшно?

– Но ты ведь здесь совсем одна. Судя по всему, здесь что угодно может произойти.

Марджери удивилась. Похоже, эта мысль никогда не приходила ей в голову.

– Я еще ходила под стол пешком, а уже ездила верхом по этим горам. – Заметив скептическое выражение лица Элис, Марджери добавила: – Это совсем несложно. Ты видела когда-нибудь стаю животных, собравшихся у водопоя?

– Хм... пожалуй, нет. В Суррее не так много мест для водопоя.

– А там, в Африке, слон пьет воду рядом со львом, а тот – рядом с бегемотом, а бегемот – рядом с газелью. И никто друг другу не мешает. Ведь так? А знаешь почему?

– Нет.

– Потому что они понимают друг друга. Старая газель видит, что лев совсем расслабленный и просто хочет напиться воды. И бегемот у воды становится покладистым. Вот так они живут и будут жить вечно. Но если они встретятся в сумерках на равнине и тот же самый лев будет рыскать кругом с хищным блеском в глазах – ну, та газель сразу поймет, что нужно удирасть, и побыстрее.

– Неужели здесь, кроме змей, есть и львы?

– Элис, ты должна научиться читать мысли людей. Ты видишь кого-нибудь вдалеке – это какой-то шахтер возвраща-

ется домой, и по его походке ты уже знаешь, что он устал, что ему не терпится добраться до дому, набить брюхо и завалиться спать. Но что, если ты видишь в пятницу вечером возле дешевой забегаловки того же шахтера, уже выжравшего полбутылки бурбона, и он смотрит на тебя со злобой? Ты сразу понимаешь, что лучше не стоять у него на пути, так?

Какое-то время они ехали молча.

– Послушай, Марджери... – сказала Элис.

– Да?

– Если ты никогда не была восточнее – как там его, Люисбурга? – откуда тебе так много известно про животных в Африке?

Марджери остановила мула и повернулась к Элис:

– Ты что, серьезно? – (Элис растерянно заморгала.) – И после этого ты хочешь, чтобы я сделала из тебя библиотекаря?!

Впервые за все время знакомства Элис увидела, что Марджери смеется. Она ухала, точно сипуха, и смеялась чуть ли не до самого Солт-Ли́ка.

* * *

– Ну и как все прошло?

– Очень хорошо, спасибо.

Задница и бедра болели так сильно, что Элис чуть ли не со слезами опустила на сиденье унитаза, но ей не хотелось об

этом рассказывать. В крошечных хижинах, которые они объезжали, стены были обклеены газетами для того, чтобы, по словам Марджери, зимой не было сквозняков. Элис требовалось время, чтобы переварить те огромные расстояния, которые она преодолела, поскольку структура ландшафта была вертикальной, а тропа шла горизонтально. Элис впервые в жизни оказалась в условиях дикой природы: огромные птицы, быстроногие олени, синие ящерицы из семейства сцинковых. А потому ей казалось неуместным говорить о беззубых мужчинах, осыпавших их с Марджери ругательствами, или об изможденной молодой матери с четырьмя крошечными, абсолютно голыми ребятами. Но в основном день был таким удивительным, что Элис не хотелось делиться воспоминаниями с мужем и свекром.

– Я не ослышался? Ты действительно ездила верхом вместе с Марджери О’Хара? – Мистер Ван Клив поднес чашку ко рту.

– Действительно. А еще с Изабеллой Брейди. – Элис решила не упоминать, что Изабелла так и не появилась.

– Ты должна держаться подальше от этой девицы О’Хара. Она бедовая.

– Что значит «бедовая»?

Элис перехватила быстрый взгляд Беннетта: *Ничего не говори.*

Мистер Ван Клив направил на Элис зажатую в руке вилку:

– Элис, помяни мои слова. Марджери О’Хара родом из

плохой семьи. Фрэнк О'Хара был самым большим грешником от Кентукки до Теннесси. Ты здесь новый человек, и тебе не понять, что это значит. О да, сейчас Марджери О'Хара может облечься в красивые фразы из книжек, но под слоем этих витиеватых слов она такая же, как и остальные члены ее никчемной семейки. Я тебе точно говорю: ни одна приличная дама в округе не станет с ней даже чай пить.

И Элис живо представила, как Марджери показывает средний палец в ответ на приглашение выпить чашечку чая с одной из местных дам. Элис взяла из рук Энни блюдо с кукурузным хлебом, положив кусок себе на тарелку, передала блюдо дальше и вдруг поняла, что, несмотря на жару, умирает с голоду.

– Ради бога, не стоит беспокоиться! Она просто показывала мне, куда доставлять книги.

– Я так, на всякий случай. Всего лишь хотел напомнить, чтобы ты с ней особенно не водилась. Если не хочешь, чтобы она своим поведением бросила тень и на тебя тоже. – Мистер Ван Клив взял два куска кукурузного хлеба, откусил половину куска и с минуту жевал с открытым ртом; Элис поморщилась и отвернулась. – Кстати, а что за книги вы развозите?

– Просто... книги, – пожала плечами Элис. – Марк Твен и Луиза Мэй Олкотт, романы о ковбоях и книги по домоводству, рецепты и всякое такое.

– Половина этих горцев не могут прочесть ни слова, – покачал головой мистер Ван Клив. – Старина Генри Портеус

считает это пустой тратой времени и денег налогоплательщиков. И в принципе я готов с ним согласиться. И, как я уже говорил, любая затея с участием Марджери О'Хара ни к чему хорошему не приведет. – (Элис собралась было вступить за новую подругу, но муж крепко сжал ей под столом ногу.) – Ну, я не знаю. – Мистер Ван Клив вытер с уголков губ соус. – Я совершенно уверен, моя незабвенная супруга никогда не одобрила бы подобную затею.

– Но Беннетт говорил мне, она занималась благотворительностью, – заметила Элис.

Мистер Ван Клив бросил на нее косой взгляд:

– Да, занималась. Она была на редкость благочестивой женщиной.

– Тогда, – после секундной заминки заявила Элис, – я искренне верю, если мы будем приобщать семьи безбожников к чтению, то сможем приобщить их и к чтению Библии, что станет благом для всех нас. – Наградив свекра широкой сладкой улыбкой, Элис наклонилась к нему через стол. – Вы только представьте себе, мистер Ван Клив, что благодаря чтению Библии все эти семьи смогут внимать наконец истинному слову Господа нашего Иисуса Христа. Разве это не великолепно? Я уверена, ваша жена непременно одобрила бы такое начинание.

В комнате повисло тягостное молчание.

– М-да, – произнес мистер Ван Клив, – ты, наверное, права. – Он кивнул, давая знать, что тема закрыта. По крайней

мере, пока.

Беннетт облегченно выдохнул, и Элис, к своему стыду, почувствовала, что ненавидит его за это.

* * *

Через три дня Элис поняла, что ей приятнее проводить время с Марджери О'Хара – и плевать, из плохой та семьи или нет, – чем с кем бы то ни было другим в штате Кентукки. Марджери не любила много болтать. Ее совершенно не интересовали обрывки сплетен, завуалированных или нет. Казалось, этими сплетнями местные дамы подпитывались во время бесконечных чаепитий и занятий шитьем, в которых время от времени приходилось участвовать Элис. Марджери не интересовали ни внешний вид Элис, ни ее мысли, ни ее прошлое. Марджери шла, куда хотела, говорила, что думала, не считая нужным прикрываться учтивыми эвфемизмами, столь популярными у других женщин.

О, это что, английская манера? Чрезвычайно интересно!

А мистер Ван Клив Младший, наверное, счастлив, что его жена одна ездит верхом по горам, да? Боже правый!

Ну, возможно, вы приучаете его к английской манере себя вести. Как... оригинально!

Марджери вела себя, неожиданно поняла Элис, совсем как мужчина.

Мысль была настолько странной, что Элис невольно при-

нялась присматриваться к новой знакомой, пытаясь понять, как Марджери удалось достичь подобной раскрепощенности и внутренней свободы. Элис не хватало храбрости – возможно, мешало английское воспитание, – чтобы спросить об этом Марджери.

Отказываясь от предложения мужа подвезти ее на машине и оставляя его завтракать вдвоем с отцом, Элис обычно приходила в библиотеку вскоре после семи утра, когда на траве еще дрожала роса, здоровалась с Фредериком Гислером, которого часто заставляла беседующим, подобно Марджери, с лошадю, после чего шла на задний двор, где были привязаны пони и мул. Их дыхание образовывало легкие облачка пара в холодном утреннем воздухе. Полки были уже практически готовы и заставлены книгами, присланными из Нью-Йорка и Сиэтла. УОР призвало библиотеки жертвовать Конной библиотеке книги, и теперь посылки в коричневой оберточной бумаге приходили дважды в неделю. Мистер Гислер починил старый стол, подаренный школой в Берее, чтобы было куда класть так называемый гроссбух в кожаном переплете, где библиотекари отмечали выданные и полученные назад книги. Страницы заполнялись очень быстро. Элис обнаружила, что Бет Пинкер выехала в пять утра, а Марджери, перед тем как встретиться с Элис, уже успела сделать две ездки, доставив книги в отдаленные горные селенья. Элис проверила записи, чтобы узнать, где успели побывать Марджери и Бет.

Среда, 15-е

Дети семейства Фарли, Кристалл – четыре книжки комиксов.

Миссис Петунья Грант, дом директора школы в Йеллоу-Роке – два экземпляра журнала «Ледис хоум» (февраль, апрель 1937 года), один экземпляр книги Анны Сьюэлл «Черный Красавчик» (пометки чернилами на страницах 34 и 35).

Мистер Ф. Хоумер, Винд-Кейв – один экземпляр книги «Народная медицина» Д. С. Джарвиса.

Сестры Фриц, Энд-Барн, Уайт-Эш – один экземпляр книги Эдны Фербер «Симаррон», один экземпляр книги Ллойда С. Дугласа «Великолепная одержимость» (примечание: три последние страницы отсутствуют, обложка повреждена водой).

Книги редко бывали новыми, и там нередко не хватало страниц или обложек. Элис обнаружила это, помогая Гислеру расставлять их на полки. Фредерик Гислер был жилистым, загорелым мужчиной, далеко за тридцать. Унаследовав от отца восемьсот акров земли, Гислер, так же как и его покойный отец, занимался разведением и продажей лошадей. Именно ему принадлежала Спирит, маленькая кобыла, на которой ездила Элис.

– Она норовистая, эта крошка. – Гислер погладил пони по

шее. – Впрочем, как и любая приличная кобыла. – У Гислера была неспешная заговорщицкая улыбка, словно он говорил вовсе не о лошадях.

В первую неделю Марджери сперва планировала предстоящий маршрут, а затем рано утром они отправлялись в путь. Измученная удушающей атмосферой дома Ван Кливов, Элис жадно глотала горный воздух. Ближе к полудню жара мерцающими волнами поднималась от накаленной солнцем земли, но в горах, где кусачая мошकारа уже не вилась так назойливо вокруг лица, становилось гораздо легче. На длинных маршрутах Марджери обвязывала красной бечевкой каждое четвертое дерево, чтобы Элис, работая в одиночку, могла найти обратную дорогу, и обращала внимание напарницы на ориентиры и приметные скопления камней.

– Но если ты заблудишься, Спирит найдет дорогу за тебя, – говорила Марджери. – Она очень сообразительная.

Элис потихоньку привыкала к маленькой коричневой с белым лошадке, точно зная, где та попытается развернуться, где захочет ускориться, и уже не вскрикивала, а прижималась к спине Спирит и гладила ее по шее до тех пор, пока та не начинала прятать аккуратными ушами. Теперь Элис в общих чертах представляла, куда ведут горные тропы. Она даже составила карты своих маршрутов, которые хранила в кармане бриджей в надежде самостоятельно найти дорогу в каждый дом. Элис пристрастилась к поездкам по горам, ей нравилась непривычная тишина бескрайнего горного

ландшафта, нравилось видеть впереди Марджери, которая, то и дело наклоняясь, чтобы избежать низкорастущих веток, показывала на домики вдаль, органично вписывающиеся в просветы между деревьями.

– Элис, учись смотреть дальше собственного носа, – говорила Марджери, и голос ее разносился ветром. – Нет смысла беспокоиться о том, что думают о тебе в городе, ведь тут уж в любом случае ничего не поделаешь. Но если оглянуться вокруг, то можно увидеть целый мир удивительных вещей.

Впервые за год Элис почувствовала себя человеком, каждый шаг которого не находится под пристальным наблюдением. Никто не комментировал ее манеру одеваться или вести себя в обществе, никто не бросал на нее любопытных взглядов и не нависал над ней, чтобы услышать ее английский акцент. Элис начала понимать горячее желание Марджери жить так, как ей хочется.

Внезапно Марджери остановилась, тем самым выведя Элис из задумчивости.

– Элис, ну вот мы и приехали. – Марджери соскочила с мула перед шаткими воротами, за которыми возле дома клевали пыль куры, а под деревом сопел здоровенный хряк. – Пора познакомиться с соседями.

Элис тоже слезла с пони и набросила поводья на столб ворот. Лошади тотчас же принялись щипать траву, а Марджери сняла с седла одну из сумок и махнула рукой Элис, чтобы та следовала за ней. Дом оказался самой настоящей разва-

люхой. Рассохшаяся дощатая обшивка напоминала щербатую улыбку. Заросшие грязью слепые окна скрывали внутреннюю часть дома. Во дворе на тлеющих углях стоял котелок. Было трудно поверить, что здесь кто-то живет.

– Доброе утро! – Марджери направилась к двери. – Эй!

В ответ мертвая тишина. Затем послышался скрип досок, и на пороге появился какой-то мужчина с ружьем на плече. На мужчине был комбинезон, явно нуждавшийся в стирке, из-под густых усов торчала глиняная трубка. За его спиной возникли две девочки, которые, вытянув шеи, вглядывались в приехавших женщин. Мужчина недоверчиво уставился на незваных гостей.

– Как поживаете, Джим Хорнер?

Марджери шагнула в маленький загончик, который и огородам-то сложно было назвать, и закрыла за собой ворота. Похоже, она не заметила ружья, а если и заметила, то демонстративно проигнорировала его. У Элис участилось сердцебиение, но она послушно последовала за напарницей.

– А это кто такая? – спросил мужчина.

– Элис. Она помогает мне с передвижной библиотекой. Я хотела бы поговорить с вами о том, что мы привезли.

– Я не собираюсь ничего покупать.

– Что ж, это меня вполне устраивает, так как мы ничего не продаем. Я отниму у вас всего пять минут. Вам не жаль потратить на меня немного воды? Здесь что-то жарковато. – Марджери, воплощение спокойствия, сняла шляпу и приня-

лась ею обмахиваться.

Элис собралась было возразить, что они всего полмили назад выпили кувшин воды, но вовремя прикусила язык. Хорнер на секунду впился в нее взглядом.

– Ждите здесь, – наконец произнес он, кивнув на длинную скамью перед домом, что-то пробормотал тощей девчонке с косичками, та исчезла в темном доме и вскоре, напряженно хмурясь, вернулась с ведром. – Вот, она принесла вам воды.

– Мэй, не могла бы ты оказать нам любезность и принести воды для моей подруги? – Марджери кивнула девочке.

– Было бы очень мило, спасибо, – произнесла Элис, явно удивив мужчину своим акцентом.

– Ах да, это та, что приехала из Англии, – сказала Марджери. – Которая вышла замуж за сына Ван Клива.

Мужчина бросил на женщин безучастный взгляд. Ружье оставалось у него на плече. Элис робко сидела на скамье, а Марджери тем временем продолжала говорить – тихим, ослабленным певучим голосом. Именно так она разговаривала со своим мулом Чарли, когда тот становился, как она это называла, раздражительным.

– Не знаю, дошли ли до вас вести из города, но мы организовали передвижную библиотеку. Для тех, кто любит всякие истории. И это поможет вашим детишкам кое-чему обучиться, особенно если они не ходят в школу. Вот я и зашла узнать, не хотите ли вы взять пару книжек для ваших девочек.

– Я ведь вам говорил. Они не умеют читать.

– Да, говорили. Поэтому я привезла совсем простые. Для начинающих. Там только картинки, а к ним буквы, чтобы они могли сами учиться. Им даже не придется ходить в школу. Они смогут читать дома.

Марджери протянула ему книжку с картинками. Он осторожно ее взял, словно что-то взрывоопасное, полистал страницы:

– Девочки должны помогать мне. Надо собирать урожай и консервировать.

– Конечно должны. Сейчас самая горячая пора.

– Не хочу, чтобы они отвлекались.

– Я понимаю. Процесс консервирования замедлять нельзя. Похоже, кукуруза в этом году уродилась. Не то что в прошлом году, а? – Марджери улыбнулась девочке, согнувшейся под тяжестью наполненного до половины ведра. – Спасибо тебе, моя дорогая. – Она взяла из рук девочки старую жестяную кружку. Жадно выпив воды, Марджери протянула кружку Элис. – Холодненькая. Спасибо большое.

Джим Хорнер пихнул книжку назад Марджери:

– Они наверняка попросят за это денег.

– Джим, в этом-то и вся прелесть. Никаких денег, никаких расписок, вообще ничего. Библиотеки существуют для того, чтобы люди могли попробовать читать. Быть может, научиться чему-то полезному, если чтение придется им по вкусу.

Джим Хорнер уставился на обложку книжки. Элис еще не приходилось слышать, чтобы Марджери за один визит так много говорила.

— А что, если я оставлю вам книжки хотя бы на неделю? — предложила Марджери. — Вам совершенно не обязательно их читать. Можете просто их полистать, если захотите. Мы заскочим к вам в следующий понедельник. Тогда все и заберем. Если понравится, пусть девочки мне скажут, и я привезу вам еще. А если не понравятся, просто оставьте их на ящике у забора, и мы больше не будем вам досаждать. Ну как, идет?

Элис оглянулась. Вторая девочка исчезла в темном доме.

— Я так не думаю.

— Положа руку на сердце, вы сделаете мне огромное одолжение. Тогда не придется тащить чертовы книги обратно вниз. Черт, у нас сегодня жутко тяжелые сумки! Элис, ты допила наконец воду? Мы и так отняли у этого джентльмена кучу времени. Приятно было увидеться, Джим. Мэй, еще раз большое спасибо. Ты здорово вытянулась со времени нашей последней встречи!

Когда они были уже у ворот, Джим Хорнер крикнул им вслед:

— Я не желаю, чтобы сюда шлялись посторонние и нас беспокоили! Не желаю, чтобы меня беспокоили, и не желаю, чтобы беспокоили моих детей! У них и так забот хватает!

Марджери, не оборачиваясь, просто подняла руку:

– Джим, я тебя услышала.

– И мы не нуждаемся в подачках. И я вообще не желаю здесь видеть никого из городских! Я даже не знаю, зачем ты сюда приперлась!

– Я объезжала все дома в округе вплоть до Береи. Но я тебя услышала! – Голос Марджери эхом разнесся по окрестным горам.

Оглянувшись, Элис увидела, что Джим Хорнер снова положил ружье на плечо, и кровь застучала у нее в ушах. Оглянуться во второй раз Элис не решилась. Когда Марджери села на мула, Элис взяла поводья, дрожащими ногами сжала бока Спирит. И, поняв, что пуля их уже не достанет, облегченно выдохнула. Она подстегнула Спирит, чтобы поравняться с Марджери.

– Боже мой! Они здесь все такие ужасные? – Элис вдруг почувствовала, что ноги у нее стали ватными.

– Ужасные? Элис, все прошло великолепно! – (Элис показалось, что она ослышалась.) – Когда в последний раз я приезжала в Ред-Крик, Джим Хорнер прострелил мне шляпу. – Марджери, повернувшись к Элис, продемонстрировала крошечную дырочку в тулье, после чего снова натянула шляпу на голову. – Ладно, давай чуть прибавим ходу. Я хочу перед ланчем еще успеть познакомить тебя с Нэнси.

Глава 3

...самое лучшее – никем не тревожимый мир книг, в котором она могла бродить, где и как ей вздумается, – все это превращало для нее библиотеку в пространство райского блаженства.

Луиза Мэй Олкотт. Маленькие женщины.

Перевод И. Бессмертной

Два фиолетовых синяка на коленях, на левой лодыжке и волдыри на тех местах, где, по идее, не может быть волдырей, россыпь воспалившихся укусов за правым ухом, четыре сломанных ногтя (нельзя не признать, что очень неопрятных) и обгоревшие на солнце шея и нос. Двухдюймовая царапина на правом плече после столкновения с деревом и отметина на левом локте, за который Спирит укусила ее, когда она пыталась прихлопнуть слепня. Элис взглядела в свое чумазое лицо, невольно задаваясь вопросом, что бы подумали там, в Англии, при виде этой покрытой струпьями девушки-ковбоя, которая глядела на Элис из зеркала.

Прошло почти две недели, а никто даже не заикнулся о том, что Изабелла Брейди так и не присоединилась к маленькой группе конных библиотекарей, но Элис не решалась спросить, в чем дело. Фредерик Гислер был не слишком разговорчивым и лишь предлагал Элис налить кофе или помочь со Спирит, а Бет – средний ребенок в семье, где было еще

восемь парней, — входила в библиотеку с мальчишеским задором, жизнерадостно здоровалась, швыряла на пол седло, возмущалась, что не может найти *чертовы седельные сумки*, так что имя Изабеллы просто не появлялось на маленьких карточках на стене, где они все отмечались в начале и по окончании смены. Время от времени мимо проносился большой зеленый автомобиль с миссис Брейди за рулем, Марджери коротко кивала, но не обменивалась с ней ни словом. Элис уже начала было думать, что миссис Брейди назвала на собрании имя дочери исключительно для того, чтобы поощрить других молодых женщин принять участие в проекте.

Поэтому для Элис стало своего рода сюрпризом, когда в четверг днем к библиотеке подкатил, выбрасывая из-под огромных колес тучи песка и гравия, автомобиль и остановился возле крыльца. Миссис Брейди была лихим, но невнимательным водителем, заставлявшим местных жителей бросаться врассыпную, когда почтенная дама поворачивалась, чтобы помахать рукой какому-нибудь прохожему, или резко виляла в сторону, чтобы не задавить кошку на дороге.

— Кто там еще? — не поднимая головы, поинтересовалась Марджери.

Она пробиралась между двумя кипами возвращенных книг, напряженно пытаясь определить, какие из них настолько испорчены, что их больше нельзя выдавать на руки. Выдавать книгу с недостающей последней страницей, как уже однажды случилось, не имело никакого смысла. «Пустая тра-

та времени, – заявил один издольщик, которому дали роман „Земля“ Перл С. Бак. – Я больше никогда в жизни не возьму в руки книгу».

– По-моему, это миссис Брейди. – Элис, обрабатывавшая в этот момент волдырь на пятке, незаметно выглянула в окно.

Миссис Брейди закрыла дверь автомобиля и остановилась помахать рукой кому-то на другой стороне улицы, а затем Элис увидела вышедшую из автомобиля молодую женщину, ее зачесанные назад рыжие волосы были уложены аккуратными кудряшками. Изабелла Брейди.

– Нет, они обе, – тихо добавила Элис и, морщась от боли, натянула носок.

– Я удивлена, – заметила Марджери.

– Почему? – спросила Элис.

Изабелла обошла автомобиль и присоединилась к матери. Вот тогда-то Элис и увидела, что девушка заметно хромала, а икра левой ноги была упакована в шинно-кожаные брейсы, левая туфля напоминала скорее маленький черный кирпич. Изабелла не пользовалась палкой, но слегка перекачивалась при ходьбе, выражение веснушчатого лица девушки было крайне сосредоточенное – возможно, из-за дискомфорта.

Элис отпрянула от окна. Ей не хотелось, чтобы женщины заметили, что кто-то наблюдает, как они медленно поднимаются на крыльцо. Она услышала приглушенный разговор –

и дверь распахнулась.

– Мисс О’Хара!

– Доброе утро, миссис Брейди, Изабелла.

– Я дико извиняюсь за то, что Иззи не сразу приступила к работе. Ей пришлось... сперва заняться кое-какими неотложными делами.

– Я рада вас видеть. Мы уже почти готовы доверить миссис Ван Клив самостоятельную поездку. Так что чем больше народу, тем веселее. Мне еще нужно подобрать вам лошадь, мисс Брейди. Вот только я не знала, когда вы появитесь.

– Я не слишком хорошо езжу верхом, – тихо проронила Иззи.

– Вот и я о том же. Никогда не видела вас на лошади. Итак, мистер Гислер собирается одолжить вам своего старого проверенного коня. Его зовут Пэтч. Он малость тяжеловат, но ужасно славный и никогда вас не напугает.

– Но я не умею ездить верхом, – произнесла Иззи с надрывом в голосе, протестуяще посмотрев на мать.

– Лишь потому, что ты никогда не пробовала, моя дорогая! – не глядя на дочь, отрезала миссис Брейди и хлопнула в ладоши. – Итак, во сколько нам приходится завтра утром? Иззи, завтра нам придется съездить в Лексингтон купить тебе новые бриджи. Старые на тебе уже не застегиваются.

– Ну, Элис садится в седло в семь утра. Почему бы вам не приехать к этому времени? А если мы поделим маршрут, то можно будет отправиться чуть пораньше.

– Вы меня не слушаете... – начала Иззи.

– Значит, до завтра. – Миссис Брейди обвела взглядом тесное помещение. – Приятно видеть такое хорошее начало. Я слышала от пастора Уиллоуби, что в прошлое воскресенье девочки Макартур практически без подсказок смогли прочесть отрывки из Библии. И все благодаря книгам, которые вы им привезли. Замечательно. Желаю хорошего дня, миссис Ван Клив, мисс О'Хара. Я вам крайне обязана.

Кивнув, миссис Брейди вышла в сопровождении дочери из библиотеки. Элис услышала рев запущенного автомобильного мотора, затем – звуки движения юзом и испуганный крик, когда миссис Брейди вырулила на дорогу.

Элис бросила взгляд на Марджери, но та лишь пожала плечами. Они остались молча сидеть, пока гул мотора не смолк вдали.

* * *

– Беннетт! – Элис вприпрыжку поднялась на крыльцо, где ее муж сидел со стаканом чая со льдом, и бросила взгляд на кресло-качалку, оказавшееся, как ни странно, пустым. – А где твой отец?

– Обедает у Лоу.

– Это те, что болтают без умолку? Боже, тогда он застрянет там на всю ночь! Удивляюсь, как это миссис Лоу удаётся хоть на секунду перевести дух, чтобы поесть? – Элис от-

кинула волосы со лба. – Ой, у меня был потрясающий день! Мы отправились в дом, находящийся у черта на куличках, и – Богом клянусь! – тот человек хотел нас пристрелить. Конечно, он этого не сделал... – Она осеклась, перехватив его взгляд, остановившийся на ее заляпанных грязью сапогах и бриджах. – Ой! Это... Не там перешла вброд ручей. Лошадь оступилась и перекинула меня прямо через голову. Ужасно смешно. Думала, Марджери просто лопнет от смеха. К счастью, я моментально высохла. Но ты бы видел мои синяки! Я буквально вся фиолетовая. – Элис наклонилась поцеловать мужа, но он отвернулся.

– В последнее время от тебя ужасно пахнет лошадьми, – произнес Беннетт. – Может, тебе сперва стоит помыться? Все это не способствует... возделению.

Элис не сомневалась, что муж вовсе не хотел ее уколоть, но все-таки уколол. Она понюхала свое плечо и вымученно улыбнулась:

– Ты совершенно прав. От меня пахнет, как от ковбоя! А что, если я сейчас по-быстрому освежусь, надену что-нибудь хорошенькое и мы съездим на машине к реке? Я могу устроить небольшой пикник со всякими вкусностями. Интересно, у Энни еще остался тот торт с патокой? И я знаю, у нас есть свиной окорок. Дорогой, скажи «да»! Только ты и я. Ведь мы с тобой уже много недель никуда вместе не выходили.

Беннетт встал со стула:

– На самом деле я... хм... собираюсь с приятелями на иг-

ру. Ждал твоего возвращения, чтобы тебе об этом сказать. – (Элис только сейчас заметила, что муж надел белые штаны для занятий спортом.) – Мы собираемся поиграть в бейсбол в Джонсоне.

– Ой, отлично! Тогда я поеду с тобой и посмотрю игру. Обещаю привести себя в порядок меньше чем за минуту.

– Это... – Беннетт растерянно почесал затылок, – вроде как исключительно для парней. Жены обычно с нами не ездят.

– Беннетт, дорогой, я буду вести себя тихо, как мышка, и не стану тебе мешать.

– Собственно, не в этом дело...

– Мне так хочется увидеть тебя на игровом поле. Ты выглядишь таким... *счастливым*, когда играешь.

Судя по тому, как Беннетт бросил на Элис быстрый взгляд и поспешно отвел глаза, она явно сболтнула лишнее. Между ними повисло неловкое молчание.

– Я ведь уже сказал: это исключительно мужская встреча. Элис тяжело сглотнула:

– Понимаю. Тогда как-нибудь в другой раз.

– Ну конечно! – облегченно вздохнул Беннетт. – А устроить пикник было бы грандиозно! Может, пригласим еще пару приятелей? Пита Шрагера, например? Тебе ведь нравится его жена? Пэтси веселая. Не сомневаюсь, вы с ней непременно подружитесь.

– О да. Полагаю, что так.

Еще секунду-другую они смущенно стояли напротив друг друга. Затем Беннетт протянул руку и наклонился, словно собираясь поцеловать жену. Но теперь уже отпрянула Элис:

– Все в порядке. Ты вовсе не обязан. Боже правый, от меня действительно воняет! Ужасно! И как ты можешь это терпеть?

Элис повернулась и поспешно бросилась к двери, чтобы муж не увидел ее слез.

* * *

С тех пор как Элис начала работать в библиотеке, ее дни превратились в нечто вроде рутины. Она вставала в пять тридцать утра, умывалась и одевалась в маленькой ванной комнате в конце коридора, за что была чрезвычайно благодарна, поскольку, как она вскоре выяснила, в половине домов Бейливилла удобства были по-прежнему на улице или и того хуже. Беннетт всегда спал мертвым сном и никогда не ворочался, когда Элис натягивала сапоги. Она легонько целовала его в щеку, после чего на цыпочках спускалась вниз. Забирала на кухне сэндвичи, приготовленные еще с вечера, и пару печений, оставленных Энни специально для нее на буфете. Печенье Элис заворачивала в салфетку и съедала, пока шла полмили до библиотеки. По пути ей встречались ставшие знакомыми лица: фермеры на запряженных лошадьми повозках, грузовики с пиломатериалами, предназначенными

для огромных складов, проспавший на работу старый шахтер с корзинкой для ланча в руках. Элис уже начала кивать тем, кого узнавала. В Кентукки люди были гораздо вежливее, чем в Англии, где на тебя наверняка посмотрят с подозрением, если ты слишком тепло поздороваяешься с незнакомцем. Кое-кто даже начал приветственно кричать Элис через дорогу: «Ну, как продвигаются дела в библиотеке?» На что Элис неизменно отвечала: «Спасибо, очень хорошо». Прохожие всегда улыбались Элис, хотя, как она подозревала, заговаривали с ней исключительно для того, чтобы услышать ее забавный английский акцент. Но так или иначе, Элис было приятно чувствовать, что она потихоньку становится частью местного общества.

Иногда ей навстречу попадалась Энни, которая размашисто шагала с опущенной головой, – к своему стыду, Элис не знала, где живет экономка, – и тогда Элис жизнерадостно махала ей рукой, но Энни сдержанно, без улыбки, кивала в ответ, словно Элис нарушила некое негласное правило по взаимоотношениям между нанимателем и наемным работником. Беннетт всегда вставал после прихода Энни, разбуженный поданным в постель кофе. Правда, сперва кофе подавался мистеру Ван Кливу, а уже потом – Беннетту. К тому времени, как мужчины успевали одеться, на обеденном столе с тщательно разложенными столовыми приборами их уже ждали бекон, яйца и мамалыга. А без четверти восемь мужчины отправлялись в темно-красном «форде-кабриоле-

те» мистера Ван Клива на шахту Хоффман.

Элис старалась не вспоминать вчерашний вечер. В свое время ее любимая тетя объяснила, что если Элис хочет легко пройти по жизни, то не должна забивать голову ненужными размышлениями. Поэтому Элис упаковала вчерашний инцидент в чемодан, засунув его в дальний угол своей памяти, где уже лежало множество таких вот чемоданов. Не имело смысла вспоминать о том, что Беннетт банально наклюкался после игры в бейсбол, а вернувшись, отрубился на кушетке в туалетной комнате, откуда до самого рассвета доносились его конвульсивные похрапывания. Не имело смысла всерьез размышлять о том, что после более шести месяцев совместной жизни было бы нелепо считать подобное поведение Беннетта нормальным для молодого мужа. И точно так же не имело смысла думать о том, что оба они понятия не имели, как обсудить сложившуюся ситуацию. Более того, Элис вообще не могла толком сформулировать, что именно происходит. У нее не имелось ни подобного опыта, ни подходящего словарного запаса. И не нашлось никого, с кем бы она могла поделиться. По мнению матери Элис, говорить о плотских вещах – даже о подпиливании ногтей – было слишком вульгарно.

Элис сделала глубокий вдох. Нет. Пожалуй, лучше сосредоточиться на лежавшей перед ней дороге, на предстоящем длинном и трудном дне, с его бесконечными книгами и записями в гроссбухе, норовистыми лошадьми и пышной зе-

ленью лесов. Лучше ни о чем не думать, а скакать вперед и вперед, сосредоточившись на новой работе, на запоминании дорог, записывании адресов и имен, а также на сортировке книг, чтобы по возвращении домой у нее хватало сил лишь пообедать, отмокнуть в ванне и забыться глубоким сном.

Да, это была рутина, но она, как честно признавалась Элис, устраивала их обоих.

* * *

— Она здесь. — Фредерик Гислер, встретивший Элис в библиотеке, приподнял шляпу и прищурился.

— Кто? — Поставив корзинку с ланчем, Элис заглянула в заднее окно.

— Мисс Изабелла. — Он взял куртку и направился к двери. — Но, видит Бог, она вряд ли в ближайшее время сможет выиграть дерби в Кентукки. Миссис Ван Клиф, я уже сварил кофе и принес вам немного сливок. Вы ведь предпочитаете кофе со сливками.

— Очень мило с вашей стороны, мистер Гислер. Должна признаться, что, в отличие от Марджери, терпеть не могу черный кофе. В том, что она привыкла пить, ложка буквально стоит.

— Зовите меня Фред. Ну да, как вы уже наверняка знаете, Марджери все делает по-своему. — Кивнув, он закрыл за собой дверь.

Элис повязала шею носовым платком, чтобы защитить кожу от солнца, налила себе кружку кофе, а затем прошла за дом, где в небольшом загоне были привязаны лошади. Там она увидела Марджери, которая, согнувшись пополам, держала за колено Изабеллу Брейди, вцепившуюся в седло ширококостного гнедого коня. Конь стоял неподвижно, лениво жуя густую траву так, словно находился здесь уж очень давно.

– Мисс Изабелла, вы должны немного подпрыгнуть, – цедила Марджери сквозь стиснутые зубы. – Если вам трудно поставить ногу в стремя, тогда вы должны подпрыгнуть. Итак, раз, два, три – оп! – (Ничего не произошло.) – Прыгай, тебе говорят!

– Я не умею прыгать! – огрызнулась Изабелла. – Я вовсе не резиновая.

– Просто облокотись на меня, а потом раз, два, три – и перекидывай ногу. Ну давай же! Я тебя держу.

Марджери обхватила ногу Изабеллы, стянутую фиксирующим устройством. Однако Изабелла, похоже, была не способна подпрыгнуть. Марджери подняла глаза, увидела подошедшую Элис, но на ее лице не дрогнул ни один мускул.

– Напрасный труд, – выпрямилась Изабелла. – Мне этого не сделать. Нечего и пытаться.

– Ну, нам предстоит чертовски длинный путь вверх по горам, так что ты должна постараться хоть как-то залезть на коня. – Марджери незаметно потеряла поясницу.

– Я говорила маме, что это плохая идея, но она и слушать ничего не хотела.

Появление Элис, похоже, только подлило масла в огонь: Изабелла покраснела и с визгом отпрянула в сторону, так как конь чуть сдвинулся, едва не наступив копытом ей на ногу.

– Ты, тупое животное! – закричала Изабелла.

– Как грубо! – заметила Марджери. – Не слушай ее, Пэтч.

– Мне ни за что не забраться. У меня нет сил. Все это просто смешно! Не понимаю, почему мама меня не слушала! И почему мне нельзя просто остаться в помещении библиотеки?

– Потому что ты нужна нам, чтобы развозить книги.

Элис внезапно заметила слезы в уголках глаз Изабеллы Брейди, похоже вызванные отнюдь не детскими капризами, а настоящей душевной болью. Отвернувшись, Изабелла провела по лицу бледной рукой. Увидев эти слезы, Марджери обменялась с Элис смущенными взглядами, после чего растерянно потерла локти, чтобы стряхнуть пыль с блузки. Элис, не говоря ни слова, прихлебывала кофе. И только методичное, невозмутимое чавканье Пэтча нарушало тягостную тишину.

– Изабелла, можно задать тебе вопрос? – нарушила молчание Элис. – Когда ты сидишь или ходишь на короткие расстояния, тебе нужны брейсы?

Снова повисла гнетущая тишина, как будто слово «брейсы» было запрещенным.

– Вы о чем?

«Ой, опять вляпалась!» – подумала Элис, но отступить уже было поздно.

– Об этих брейсах на ноге. Я хочу сказать, что, если мы их снимем, ну и твой ботинок тоже, тогда ты сможешь надеть... хм... нормальные сапоги для верховой езды. Ты можешь попробовать сесть на Пэтча с другой стороны, с помощью правой ноги. А еще можно просто бросать книжки у ворот, чтобы не слезать и снова не садиться на лошадь. Или, если идти будет не слишком далеко, ты и так справишься?

– Но я... – нахмурилась Изабелла, – никогда не снимаю брейсы. Мне предписано носить их целый день.

– Но тебе ведь не придется стоять, так? – задумчиво спросила Марджери.

– Ну да, – ответила Изабелла.

– Может, все же разрешишь мне поискать для тебя другие сапоги? – поинтересовалась Марджери.

– Ты что, хочешь, чтобы я надела чужие сапоги? – В голосе Изабеллы слышалось неприкрытое сомнение.

– Это временно. Пока твоя мама не купит тебе новые красивые сапожки в Лексингтоне.

– А какой у тебя размер обуви? Я смогу найти лишнюю пару, – сказала Элис.

– Но если даже я их и надену... Ну, одна нога у меня... короче другой. Я не смогу держать равновесие, – призналась Изабелла.

– Именно для этого у нас регулируемые стремена, – ухмыльнулась Марджери. – Да и вообще, большинство местных людей ездят верхом в полусогнутом положении. И не важно, под мухой они или нет.

Возможно, потому, что Элис была англичанкой и разговаривала с Изабеллой в той же резкой манере, с какой обращалась к мужу и свекру, когда хотела чего-то от них добиться, а возможно, из-за неожиданного предложения снять брейсы, но уже час спустя Изабелла Брейди сидела верхом на Пэтче, костяшки ее пальцев, вцепившихся в поводья, побелели, а тело окаменело от страха.

– Вы ведь не поедете слишком быстро? – дрожащим голосом спросила она. – Я и правда не хочу ехать быстро.

– Ты готова, Элис? По-моему, сегодня самый подходящий день, чтобы объехать город, школу и прочее. Если мы не дадим Пэтчу спать на ходу, все будет просто чудесно. Ну как, девушки, порядок? Тогда в путь!

* * *

В течение первого часа поездки Изабелла не проронила ни слова. Но Элис, ехавшая прямо за ней, время от времени слышала ее визг, когда Пэтч кашлял или двигал головой. Тогда Марджери поворачивалась в седле, чтобы крикнуть что-нибудь ободряющее. И только проделав добрых четыре мили, Изабелла позволила себе нормально дышать, правда вы-

глядела она по-прежнему несчастной и сердитой, а в глазах блестели слезы, хотя лошади шли очень медленным, размеренным шагом.

Несмотря на то что им с Марджери общими усилиями худо-бедно удалось усадить Изабеллу в седло, Элис решительно не понимала, что, ради всего святого, делать дальше. Изабелле откровенно не хотелось этим заниматься. Она не могла ходить без брейсов. Она явно не любила лошадей. И похоже, не любила книги. Элис вполне обоснованно начала сомневаться, появится ли Изабелла на следующий день, и, поймав взгляд Марджери, поняла, что та думает о том же. Если честно, Элис скучала по горным тропам, по которым они ездили с Марджери вдвоем, скучала по их необременительному молчанию, по небрежным репликам Марджери, помогавшим ей, Элис, постигать премудрости здешней жизни. Элис скучала по скачкам веселым галопом; по ободряющим крикам, с которыми они уговаривали упирающихся лошадей перейти вброд реку или перепрыгнуть через изгородь; по чувству гордости, возникавшему после преодоления каменистого ущелья. Возможно, им стало бы гораздо легче, не будь Изабелла такой угрюмой: ее дурное настроение накладывало мрачный отпечаток на это чудесное утро, и даже сияние солнца и легкий ветерок не могли поправить дело. «По всей вероятности, завтра мы вернемся к нормальной жизни», — сказала себе Элис, и у нее сразу отлегло от сердца.

На часах было уже почти половина десятого, когда они

остановились возле школы – обшитого досками маленького однокомнатного здания, похожего на бывший коровник, где теперь располагалась библиотека. Перед входом находилась наполовину вытоптанная от постоянного использования маленькая лужайка со скамейкой в тени раскидистого дерева. На лужайке, склонившись над грифельными досками, сидели по-турецки дети, из здания школы доносился нестройный хор голосов, повторявших расписание уроков.

– Пожалуй, подожду вас здесь, – сказала Изабелла.

– Нет, не подождешь! – отрезала Марджери. – Ты пойдешь с нами во двор. Если хочешь, можешь не слезать с лошади. – (Изабелла, надувшись, последовала за напарницами.) – Миссис Бейдекер, вы тут?

На пороге домика появилась какая-то женщина, за ее спиной разносился гул детских голосов.

Спешившись, Марджери представила Элис с Изабеллой школьной учительнице – молодой блондинке с аккуратным перманентом, говорившей с немецким акцентом. Как позже объяснила Марджери, учительница была дочерью мастера на шахте.

– На шахте работают люди со всего света, – объяснила Марджери. – Здесь можно услышать языки всех стран мира. Миссис Бейдекер знает четыре языка.

Учительница, явно обрадованная встречей, позвала весь класс из сорока детишек поздороваться с женщинами, погладить лошадей и задать вопросы. Достав из седельной сумки

подборку детской литературы, поступившей в начале недели, Марджери рассказала краткое содержание книг, после чего дети, группами усевшись на траве, принялись их изучать. А один самый храбрый малыш даже вставил ногу в стремя мула, чтобы проверить, не осталось ли чего в седельной сумке.

– Мисс? Мисс? А еще книжки у вас есть? – К Элис подошла какая-то маленькая девочка с щербатым ртом и двумя аккуратными косичками.

– Не на этой неделе. Но обещаю, на следующей мы привезем больше.

– А вы можете привезти мне комиксы? Моя сестра читала комиксы, и это было так здорово! Там были и пираты, и принцессы, и всякое такое.

– Я постараюсь, – улыбнулась Элис.

– Вы говорите совсем как принцесса, – застенчиво произнесла девочка.

– Ну а ты выглядишь как принцесса, – ответила Элис, и девочка, смущенно захихикав, убежала.

Двое мальчиков лет восьми неторопливо прошли мимо Элис к Изабелле, ждавшей у ворот. Они спросили, как ее зовут, на что Изабелла ответила односложно и без улыбки.

– Мисс, это ваш конь?

– Нет, – сказала Изабелла.

– А у вас есть лошадь?

– Нет. Я ими особо не интересуюсь. – Изабелла насупи-

лась, но мальчики, похоже, не обратили на это внимания.

– А как его зовут?

– Пэтч, – замаявшись, ответила Изабелла и растерянно оглянулась, словно сомневаясь, стоило ли называть кличку коня.

Один из мальчиков принялся оживленно рассказывать своему товарищу о дядиной лошади, которая могла перепрыгнуть через пожарную машину, даже не вспотев, а второй тут же похвастался, что как-то раз на ярмарке округа катался на самом настоящем единороге, у которого был рог и все остальное. Мальчики погладили Пэтча по щетинистой морде, после чего, явно потеряв интерес, помахали Изабелле рукой и присоединились к школьным друзьям, рассматривавшим на траве книжки.

– Дети, ну разве это не чудесно?! – воскликнула миссис Бейдекер. – Эти милые леди будут каждую неделю привозить нам новые книги! Поэтому нам следует обращаться с ними очень аккуратно, не перегибать корешки и – это к тебе относится, Уильям Брайант, – не швырять их в своих сестер. Даже если они и ткнули вам пальцем в глаз. Увидимся на следующей неделе, леди! Я вам крайне признательна!

Дети, жизнерадостно помахав рукой, крикнули «до свидания», оглушив девушек пронзительным крещендо голосов, и, обернувшись, Элис увидела в окне школы бледные мордашки и приветственно поднятые вверх детские руки. Изабелла тоже смотрела в сторону школьного двора, и, как

успела заметить Элис, на губах ее играла легкая полуулыбка: сдержанная, задумчивая, не слишком веселая, но все же улыбка.

* * *

Они молча поскакали дальше, теперь уже в горы, следуя друг за другом по узким тропам вдоль ручья. Марджери, задавая темп, возглавляла их маленький отряд. Время от времени она указывала на ориентиры в надежде, что Изабелла немного отвлечется или проявит хоть какой-то энтузиазм.

– Да-да, – пренебрежительно бросила Изабелла. – Я знаю. Это Хэндмейден-Рок.

Марджери резко повернулась в седле:

– Ты знаешь Хэндмейден-Рок?

– Когда я поправлялась после полиомиелита, папа водил меня на прогулки в горы. Долгими часами, каждый день. Он считал, что если ноги заставить работать, то я выправлюсь.

Они остановились на полянке. Спешившись, Марджери достала из седельной сумки бутылку с водой и несколько яблок, которые пустила по кругу. Сделав глоток воды, Марджери кивком показала на ногу Изабеллы:

– Похоже, это не помогло. Я имею в виду прогулки.

У Изабеллы округлились глаза.

– Мне уже ничем не поможешь. Я калека.

– Нет. Это не так. – Марджери вытерла яблоко о куртку. –

Если бы ты была калекой, то не могла бы ходить и ездить верхом. А ты можешь делать и то и другое, правда с небольшими ограничениями.

Марджери протянула бутылку Элис, которая, сделав несколько жадных глотков, передала бутылку Изабелле. Но та в ответ лишь покачала головой.

– В чем дело? Тебе ведь наверняка хочется пить, – удивилась Элис.

Изабелла поджала губы. Посмотрев на нее в упор, Марджери достала носовой платок, обтерла горлышко бутылки и протянула Изабелле, незаметно бросив в сторону Элис выразительный взгляд.

Изабелла поднесла бутылку ко рту и, закрыв глаза, начала пить. Вернув Марджери бутылку, она вынула из кармана маленький кружевной платочек и промокнула лоб.

– Сегодня ужасно жарко, – призналась она.

– Ага. Во всем мире нет ничего лучше гор, которые дарят прохладу. – Марджери спустилась к ручью, наполнила бутылку и плотно завинтила крышку.

– Мисс Брейди, дайте нам с Пэтчем пару недель, и я обещаю: ноги там или что другое, но это место станет для тебя самым любимым в штате Кентукки. Тебе не захочется отсюда уезжать.

Однако Изабелла, похоже, осталась при своем мнении. Женщины съели яблоки и, скормив лошадям и Чарли огрызки, снова сели в седло. На этот раз, заметила Элис, Изабел-

ла безропотно забралась на Пэтча без посторонней помощи. Какое-то время Элис держалась позади Изабеллы, наблюдая за девушкой.

– Смотрю, ты любишь детей. – Она поравнялась с Изабеллой, когда они оказались на дороге, ведущей к широкому зеленому полю.

Марджери ехала на некотором расстоянии впереди, напевая то ли себе под нос, то ли своему мулу – так точно и не скажешь.

– Прости?

– Ты явно оживилась. Там, в школе. – Элис неуверенно улыбнулась. – Мне показалось, тебе понравилось начало дня. – (Лицо Изабеллы омрачилось; она сжала поводья и отвернулась.) – Простите, мисс Брейди. Мой муж постоянно пеняет мне за то, что я всегда говорю, не подумав. Похоже, я снова опростоволосилась. Я вовсе не хотела... быть бестактной или невежливой. Простите меня. – Элис натянула поводья, снова оказавшись позади Изабеллы Брейди.

Элис проклинала себя за бестактность, мысленно задавая себе вопрос: сумеет ли она хоть когда-нибудь найти верный тон в разговорах с этими людьми? По крайней мере, Изабелла точно не хотела с ней общаться. Элис вспомнила о молодых женщинах – приспешницах Пегги: большинство из них она узнавала лишь по адресованным ей сердитым взглядам. Элис вспомнила об Энни, смотревшей на нее так, будто она, Элис, что-то украла. Марджери, пожалуй, была единствен-

ным человеком, который не заставлял ее чувствовать себя здесь чужой. Впрочем, положила руку на сердце, Марджери и сама была несколько странной.

Когда они проехали еще с полмили, Изабелла неожиданно оглянулась.

– Просто Иззи, – сказала она.

– Иззи?

– Это мое имя. Люди, которые мне нравятся, зовут меня именно так. – И, не дав Элис переварить услышанное, Изабелла продолжила: – А улыбалась я... потому что это было впервые.

Элис напряженно наклонилась вперед, боясь пропустить хотя бы слово. Изабелла говорила едва слышно.

– Что именно было впервые? Поездка верхом по горам?

– Нет. – Иззи слегка выпрямилась в седле. – Я впервые пришла в школу, где никто не смеялся над моей ногой.

* * *

– Думаешь, она вернется?

Марджери с Элис сидели на верхней ступеньке крыльца, отмахиваясь от мух и глядя, как волны тепла поднимаются от раскаленной дороги. Лошади уже были вымыты и теперь паслись в загоне, а две молодые женщины потягивали кофе и разминали затекшие конечности, пытаясь собраться с силами, чтобы занести выданные и полученные назад книги в

гроссбух.

– Трудно сказать. Сдается мне, что ей не слишком понравилось.

Элис пришлось согласиться, что Марджери, возможно, права. Элис лениво наблюдала, как собака с высунутым от жары языком с трудом тащится по дороге и устало ложится в тени бревенчатого магазина.

– В отличие от тебя.

– Меня? – Элис удивленно подняла глаза.

– Ты похожа на заключенного, которого по утрам выпускают из тюрьмы. – Марджери отхлебнула кофе и бросила взгляд на дорогу. – Мне даже иногда начинает казаться, что ты любишь эти горы так же сильно, как я.

Элис ковырнула пяткой камешек:

– Думаю, они мне нравятся больше всего на свете. Ведь только здесь я чувствую себя такой, какая я есть.

Марджери заговорщицки улыбнулась напарнице:

– Это именно то, чего большинство людей не видят. Они заперты в каменных мешках городов, в крохотных коробках домов, среди шума и дыма. А здесь ты можешь дышать полной грудью. И не слышишь бесконечных разговоров мегаполиса. И никто, кроме Господа, на тебя не смотрит. Только ты, и деревья, и птицы, и река, и небо, и свобода... Находиться в горах полезно для души.

Заключенный, выпущенный из тюрьмы. Иногда у Элис возникало ощущение, будто Марджери знает гораздо больше

о ее жизни в доме Ван Кливов, чем кажется. От этих мыслей Элис оторвал пронзительный автомобильный гудок. К библиотеке направлялся «форд» мистера Ван Клива с Беннеттом за рулем. Беннетт резко затормозил, напугав собаку, которая, поджав хвост, тотчас же рванула прочь. Он помахал Элис рукой. На его лице играла широкая бесхитростная улыбка. Элис, не удержавшись, улыбнулась в ответ: он был таким красивым, совсем как киноактер на пачке сигарет.

– Элис! – воскликнул Беннетт и, заметив Марджери, добавил: – Мисс О’Хара.

– Мистер Ван Клив, – ответила Марджери.

– Приехал забрать тебя домой. Я вот тут подумал, мы вполне можем устроить пикник, о котором ты говорила.

– В самом деле? – растерянно заморгала Элис.

– У нас тут пара проблем с разгрузочным бункером для угля, которые не удастся уладить до завтрашнего утра. Папа остался в офисе разруливать ситуацию. Поэтому я сразу помчался домой и попросил Энни приготовить нам еду для пикника. Я подумал, что домчу тебя обратно на машине, чтобы ты успела переодеться и мы могли выехать, пока светло. Папа одолжил нам свою старушку на весь вечер.

Элис в восторге вскочила на ноги. Но ее лицо тотчас же вытянулось.

– О Беннетт, я не могу. Мы еще не успели ни занести книги в журнал, ни разобрать их, а нам и так катастрофически не хватает времени. Мы только-только закончили с лошадьми.

– Поезжай, – сказала Марджери.

– Но это нечестно по отношению к тебе. Ведь Бет сейчас нет, а Иззи исчезла, как только мы вернулись. – (Марджери лишь устало отмахнулась.) – Но...

– Вперед. Увидимся завтра.

Элис пристально посмотрела на Марджери, желая убедиться, что та не шутит, затем быстро собрала вещи и с радостным гиканьем сбежала с крыльца.

– От меня наверняка опять несет, как от ковбоя, – предупредила она Беннетта, сев на переднее сиденье и поцеловав мужа в щеку.

– А зачем, по-твоему, я опустил верх машины? – ухмыльнулся Беннетт.

Взметнув столб пыли, он резко развернулся, Элис взвизгнула, и они с ревом помчались домой.

* * *

Чарли не отличался особой склонностью к демонстрации норовистости или эмоций, и все же Марджери вела его домой легкой трусцой. Он сегодня изрядно потрудился, а Марджери некуда было особо спешить. Она тяжело вздохнула, вспомнив прошедший день. Выбор помощников был явно небогат: не знавшая жизни взбалмошная англичанка, которую в любую минуту мог запереть дома этот хвастливый осел мистер Ван Клиф и которой не доверяли жители гор, и де-

вушка, с трудом ходившая, не умевшая ездить верхом и откровенно не желавшая здесь быть. Бет работала, когда могла, но большую часть сентября ей придется помогать семье с урожаем. Да уж, не самое удачное начало проекта передвижной библиотеки. Марджери не была уверена, как долго они еще продержатся.

Поравнявшись с разрушенным амбаром, где тропа раздвигалась, Марджери бросила поводья на шею Чарли, поскольку знала, что мул сам найдет дорогу домой. Ей навстречу, зажав хвост между ног и высунув от восторга язык, бросилась ее собака – молодой пятнистый гончий пес с голубыми глазами.

– Блуи, малыш, что, черт возьми, ты тут делаешь?! А? Почему ты не во дворе?

Марджери спешила у ворот небольшого загона. Ужасно болели поясница и плечи, но не из-за пройденного расстояния, а скорее из-за того, что пришлось сажать Иззи Брейди в седло и снимать ее. Крутившийся юлой вокруг Марджери Блуи успокоился только тогда, когда она взъерошила ему шерсть на шее и сказала, что да-да, он был хорошим мальчиком, да, очень хорошим, после чего пес убежал обратно в дом. Марджери отпустила Чарли, и усталый мул тотчас же лег на землю, подогнул колени и, постанывая от удовольствия, принялся раскачиваться взад и вперед.

Марджери хорошо его понимала: ее собственные ноги словно налились свинцом, она с трудом поднялась по лест-

нице, подошла к двери и остановилась. Засов был отодвинут. Марджери с минуту постояла, задумчиво глядя на дверь, затем тихонько подошла к пустому бочонку возле амбара, где под мешковиной было спрятано запасное ружье. Сняв ружье с предохранителя, она приложила приклад к плечу. Затем на цыпочках прокралась обратно к крыльцу, сделала глубокий вдох и тихонечко открыла дверь, подцепив ее носком сапога.

– Кто здесь?

В кресле-качалке посреди комнаты сидел, положив ноги на низкий столик, Свен Густавссон с книгой «Робинзон Крузо» в руках. При виде Марджери он и бровью не повел, а просто остался ждать, когда хозяйка дома опустит ружье. Осторожно положив книгу на столик, Свен медленно поднялся на ноги, заложив с преувеличенной любезностью руки за спину. Марджери секунду-другую пристально смотрела на незваного гостя, затем прислонила ружье к столу:

– А я-то думала, почему собака не лаяла.

– Ну да. Я и он. Ты же знаешь, как это у нас бывает.

Блуи, этот юлящий предатель, тыкался длинным носом в руку Свена, явно напрашиваясь на ласку.

Марджери сняла шляпу, повесила ее на крючок и откинула со лба потные волосы:

– Вот уже не ожидала тебя увидеть.

– Ты не туда смотрела.

Стараясь не встречаться со Свеном взглядом, Марджери подошла к столу, сняла кружевную салфетку с кувшина с во-

дой и налила воду в чашку.

– А мне не предложишь попить?

– Никогда не знала, что ты пьешь воду.

– Может, предложишь кое-что покрепче?

Марджери поставила чашку:

– Свен, что ты тут делаешь?

Он в упор посмотрел на Марджери. На нем была чистая клетчатая рубашка, и пахло от него дегтярным мылом и еще чем-то неповторимым, чем-то таким, что говорило о едком запахе шахты, о дыме и мужественности.

– Я скучал по тебе.

Почувствовав, что пружина внутри начинает ослабевать, Марджери поспешно поднесла чашку к губам:

– По-моему, ты прекрасно без меня обходишься.

– Мы оба знаем, что я могу прекрасно без тебя обойтись.

Но вот такая штука: я не хочу.

– Все, проехали.

– А вот и нет. Я ведь говорил тебе: если мы поженимся, я не стану ограничивать твою свободу. И не стану тебя контролировать. Я позволю тебе жить так, как хочется, но только ты и я...

– Ты мне *позволишь*? Я не ослышалась?

– Черт побери, Мардж, ты прекрасно знаешь, о чем я! – У Свена заиграли желваки на скулах. – Я дам тебе полную свободу. Будем жить почти так, как сейчас.

– Тогда какой смысл нам венчаться?

– А такой, что мы будем женаты в глазах Господа, а не прятаться по углам, как пара паршивых детишек. Думаешь, мне это нравится? Думаешь, мне нравится скрывать от собственного брата, от всего города тот факт, что я тебя люблю?

– Свен, я не выйду за тебя. Я всегда говорила, что никогда не выйду замуж. И каждый раз, как ты заводишь эту шарманку, мне кажется, будто у меня голова вот-вот взорвется, точно динамит в туннеле твоей шахты. Я не хочу с тобой разговаривать, если ты будешь приходить и каждый раз переливать из пустого в порожнее.

– Ты в любом случае не хочешь со мной разговаривать. И что, черт возьми, мне тогда делать?!

– Оставить меня в покое. Как мы и порешили.

Отвернувшись, Марджери подошла к стоявшей в углу миске, где лежала собранная рано утром фасоль, и принялась ее лущить. Стручок за стручком, она разрывала концы и бросала бобы в кастрюлю, ожидая, когда в ушах перестанет стучать кровь.

Марджери почувствовала Свена, даже не видя его. Он тихонько подошел сзади и остановился у нее за спиной так близко, что она кожей ощущала его присутствие. Марджери и без всякого зеркала знала, что кожа на обнаженной шее покраснела там, где ее касалось его дыхание.

– Марджери, я не такой, как твой отец, – прошептал Свен. – Но если ты до сих пор этого не поняла, нет смысла тебе говорить.

Марджери старательно лущила фасоль. Щелк. Щелк. Щелк. *Не уронить боб. Очистить стебель.* Под ногами скрипели доски пола.

– Скажи, что ты по мне не скучала.

Десять готовы. Снять этот лист. Щелк. И другой. Теперь он был так близко, что Марджери спиной чувствовала его грудь, когда он говорил.

Он понизил голос:

– Скажи, что ты по мне не скучала, и я уйду прямо сейчас. И больше никогда тебя не потревожу. Обещаю.

Она закрыла глаза. Уронив нож, положила ладони на столешницу, опустила голову. Свен выждал секунду, затем осторожно положил ладони на ее руки. Она открыла глаза и посмотрела на его руки: сильные руки, костяшки в припухших рубцах от ожогов. Руки, которые она так любила почти все последние десять лет.

– Скажи мне, – прошептал он ей на ухо.

И тогда она повернулась, обхватила его лицо ладонями и страстно поцеловала. Господи, как же она соскучилась по вкусу его губ на своих губах, прикосновению его кожи к своей коже! Марджери бросило в жар, дыхание участилось, и все, что она говорила себе, все логические аргументы, которые она репетировала в голове длинными ночами, растаяли точно дым, как только его рука обвилась вокруг нее, прижимая к себе. Она целовала его, целовала его, целовала его, и его тело было таким знакомым и в то же время незнакомым,

и все доводы разума отхлынули вместе с болью, и невзгодами, и разочарованиями сегодняшнего дня. Она услышала, как миска со стуком упала на пол – и все. Остались лишь его дыхание, его губы, его прикосновения, и она, Марджери О'Хара, которая никому не могла принадлежать и которой никто не мог указывать, позволила себе размякнуть и сдать-ся, ее тело опускалось дюйм за дюймом, пока его не пригвоздило к буфету тяжелое мужское тело.

* * *

– А что это за птица? Посмотри, какого она цвета. Какая красивая! – Беннетт дремал на коврик на спине, а Элис показывала на ветви раскинувшегося над ними дерева. Рядом стояла корзинка с остатками еды. – Дорогой, ты знаешь, что это за птица? Я еще никогда не видела таких красных. Ты только посмотри! У нее даже клюв красный.

– Любимая, я не очень-то хорошо разбираюсь в птицах и подобных вещах. – Беннетт, не открывая глаз, прихлопнул жучка на щеке и протянул руку за очередной бутылкой имбирного пива.

Марджери знала все о различных птицах, подумала Элис, открыв крышку корзины с продуктами. Надо будет спросить ее завтра утром. Когда они ехали верхом, Марджери показывала Элис молочай, золотарник, аронник пятнистый, недо-троги. И если раньше Элис видела всего-навсего море зеле-

ни, то теперь у нее как будто пелена спала с глаз и все приобрело совершенно новые очертания.

Внизу мирно журчал ручей – тот самый ручей, который, как предупреждала Марджери, весной превращался в разрушительный поток. Но сейчас это казалось невозможным представить. Земля была сухой, трава под головой – высокой и мягкой, а на лугу неумолчно стрекотали кузнечики. Элис, протянув мужу имбирное пиво, смотрела, как он приподнимается на локте, чтобы сделать глоток, лелея в глубине души надежду, что он вот-вот сожмет ее в жарких объятиях. И когда Беннетт снова опустился на коврик, Элис, примостившись у мужа под мышкой, положила руку ему на рубашку.

– Ох, так бы пролежал хоть целый день, – умиротворенно вздохнул Беннетт.

Элис осторожно его обняла. От Беннетта очень приятно пахло, как ни от одного из знакомых ей мужчин. Словно он впитал в себя сладкий аромат трав Кентукки. Другие мужчины потели, от них несло грязью и чем-то кислым. Но Беннетт, даже вернувшись из шахты, выглядел так, будто сошел с рекламы шикарного магазина. Элис вгляделась в его лицо, в энергичную линию подбородка, в выстриженные за ушами золотисто-медовые волосы...

– Беннетт, я красивая?

– Ты же знаешь, что я считаю тебя красивой. – Его голос звучал сонно.

– А ты рад, что мы поженились?

– Конечно рад.

Элис обвела пальцем пуговицу его рубашки:

– Тогда почему...

– Элис, давай не будем портить друг другу настроение серьезными разговорами? Зачем заводить подобные разговоры? Что нам мешает просто хорошо провести время?

Элис убрала руку с рубашки мужа. Извернувшись, она легла на коврик так, что теперь они соприкасались только плечами.

– Конечно.

И вот так они лежали, плечом к плечу, в высокой траве, глядя в небо в звенящей тишине. Когда Беннетт снова заговорил, его голос был мягче обычного:

– Элис...

Она бросила взгляд на мужа. Тяжело сглотнула, чувствуя, как сильно бьется сердце. Накрыла руку Беннетта своей, тем самым пытаясь его ободрить, без лишних слов дать понять, что всегда будет ему надежной опорой и поддержкой. Да и вообще, он может говорить все, что захочет. Ведь как-никак она была его женой.

Элис подождала секунду:

– Да?

– Это кардинал, – сказал Беннетт. – Красный кардинал. Я абсолютно уверен.

Глава 4

*...ведь брак, говорят, наполовину уменьшает
права каждого и удваивает обязанности.
Луиза Мэй Олкотт. Маленькие женщины*

Первым воспоминанием Марджери О'Хара было то, как она сидит под столом на маминой кухне и сквозь прижатые к глазам растопыренные пальцы наблюдает за тем, как папаша, ударив кулаком ее четырнадцатилетнего брата Джека, пытавшегося помешать ему избивать жену, с ходу выбил Джеку два передних зуба. Мать Марджери, терпевшая побои, но не желавшая подобной судьбы для своих детей, оперативно швырнула кухонный стул в голову супруга, наградив его зазубренным шрамом на лбу. Отец врезал ей отломанной ножкой от стула, правда не раньше, чем смог стоять прямо, и драка прекратилась только тогда, когда дедушка О'Хара проковылял на кухню с ружьем на плече, жадной убийства в глазах и пригрозил, если сын не остановится, снести ко всем чертям его чертову голову с его чертовых плеч. Но, как уже позднее обнаружила Марджери, не то чтобы дедуля считал, будто его сын не имеет права колошматить жену, а просто бабуля тогда слушала радио и из-за этих воплей едва ли не половину пропустила. В результате в сосновой обшивке стены осталась дыра, куда Марджери в детстве могла легко просунуть кулак.

В тот день Джек ушел навсегда – без двух зубов и с единственной приличной рубашкой в вещевом мешке. В следующий раз Марджери услышала его имя (уход из дому был расценен как нелояльность семье, а потому имя Джека благополучно исчезло из семейной хроники) лишь восемь лет спустя, когда они получили телеграмму, где говорилось, что Джек погиб, попав под товарняк в Миссури. Мать Марджери рыдала навзрыд, проливая горькие слезы в кухонный фартук, пока отец не швырнул в нее книгой, велев взять себя в руки, а не то он действительно заставит ее плакать, после чего отправился гнать самогон. Книга называлась «Черный Красавчик». Марджери так и не простила отца за то, что он оторвал у книги заднюю обложку, и каким-то образом эта испорченная книжка стала для Марджери искрой, раздувшей пламя всепоглощающей ярости, в которой слились воедино и любовь к погибшему брату, и желание убежать в мир книг.

«Не выходите замуж за этих дураков, – частенько шептала мать им с сестрой, укладывая на большую кровать с матрасом из сена в задней комнате. – И постарайтесь убраться от этих проклятых гор как можно дальше. Как только сможете. Поклянитесь!»

Девочки торжественно кивнули.

Вирджиния действительно благополучно уехала, добравшись до самого Льюисбурга, чтобы выйти замуж за человека, работавшего кулаками не хуже их папаши. Их мать, слава богу, не дожидая этого, заболев пневмонией через полгода

после свадьбы дочери и буквально сгорев за три дня; тот же недуг сгубил и троих братьев Марджери. Их похоронили на горе с видом на ущелье, отметив могилы камнями.

Когда отец Марджери был убит в пьяной перестрелке с Биллом Маккалоу – последний печальный эпизод клановой вражды, продолжавшейся несколько поколений, – жители Бейливилла заметили, что Марджери О’Хара не проронила ни слезинки. «С чего мне плакать? – ответила Марджери, когда пастор Макинтош поинтересовался, все ли с ней в порядке. – Я рада, что он умер. Он больше никому не причинит вреда». Жители города вечно костерили Фрэнка О’Хару, а потому знали, что Марджери права, однако это не помешало им прийти к выводу, что единственная уцелевшая дочка О’Хары была такой же странной, как и они все, и чем меньше останется представителей этого семейства, тем будет лучше для всех.

– Можно задать тебе вопрос о твоей семье? – спросила Элис, когда они на рассвете седлали лошадей.

Погрузившись в воспоминания о сильном, крепком теле Свена, Марджери не сразу поняла, что к ней обращаются. Элис пришлось повторить вопрос дважды.

– Спрашивай что хочешь. – Она покосилась на Элис. – Дай-ка попробую угадать. Тебе, наверное, сказали, что со мной не стоит водиться из-за моего покойного папаши?

– Ну да, – заявившись, ответила Элис.

Накануне вечером мистер Ван Клив прочел ей целую лек-

цию на эту тему, брызжа слюной и тыча в небо указующим перстом. Элис, как щитом, прикрывалась добрым именем миссис Брейди, и все же разговор оставил неприятный осадок.

Марджери кивнула, словно ничего другого и не ожидала. Закинув седло на перила, она провела пальцами по спине Чарли – проверить, нет ли там припухлостей или язв.

– Фрэнк О’Хара снабжал виски половину округа. И готов был пристрелить любого, кто пытался отнять у него делянку. Любого, кто мог хотя бы помыслить об этом. Он убил больше людей, чем мне приходилось встречать. И оставил шрамы на теле каждого, кто был рядом с ним.

– Каждого?

Марджери поколебалась секунду, затем шагнула к Элис, закатала рукав блузки выше локтя, обнажив возле плеча побелевший шрам в форме монеты:

– Подстрелил из охотничьего ружья, когда мне было одиннадцать, потому что я ему нагрубила. Если бы брат не оттолкнул меня в сторону, папаша бы точно меня убил.

Элис на секунду потеряла дар речи.

– Неужели полиция ничего не предприняла?

– Полиция? – Марджери произнесла «*поу-лиция*». – У нас в горах люди привыкли сами со всем разбираться. Когда бабуля узнала, что он выкинул, она отстегала его хлыстом. Единственные, кого он боялся, были его мама и папа.

Марджери опустила голову, густые темные волосы упали

ей на лицо. Она легонько провела пальцами по черепу и, нащупав то, что искала, отодвинула волосы набок, продемонстрировав Элис полоску голой кожи величиной в дюйм:

– А вот это в память о том, как он протащил меня за волосы по двум пролетам лестницы через три дня после смерти бабули. Вырвал клоч волос. Говорят, когда он бросил этот клоч, на нем висел кусок моего скальпа.

– А ты что, сама ничего не помнишь?

– Не-а. Прежде чем это сделать, он меня вырубил.

Элис замерла в оглушительной тишине. Голос Марджери звучал ровно, совсем как обычно.

– Мне так жаль, – пролепетала Элис.

– Не стоит. Когда он окочурился, во всем городе нашлись только два человека, которые пришли на похороны, причем один из них сделал это исключительно из жалости ко мне. А ты ведь знаешь, как здесь любят разные собрания? Тогда можешь себе представить, как же его ненавидели, если даже не появились на его похоронах?!

– Значит... тебя не слишком опечалила эта потеря?

– Ха! Элис, здесь у нас полно алкашей. Днем они вполне славные парни, но с наступлением ночи, когда ищут утешение на дне стакана, превращаются в пару кулаков в поисках объекта для битья.

Элис вспомнила подпитанные бурбоном шумные тирады мистера Ван Клива и, несмотря на жару, поежилась.

– Ну, мой папаша не был алкашом. Ему выпивка была без

надобности. Холодный как лед. Хотелось бы вспомнить хоть что-то хорошее о нем, да нечего.

– Неужели так уж и нечего?

Марджери на секунду задумалась:

– Ой нет! Пожалуй, ты права. Было одно. – (Элис ждала продолжения.) – День, когда ко мне заехал шериф сообщить, что папаша помер. – Марджери отвернулась от мула и снова замолчала.

Элис чувствовала себя не в своей тарелке. Будь на месте Марджери кто-нибудь другой, она бы выразила свое сочувствие. Однако Марджери отнюдь не нуждалась в чем-то сочувствии.

Возможно, Марджери почувствовала смятение напарницы, а возможно, до нее дошло, что была непозволительно резкой. Она широко улыбнулась Элис, и та неожиданно поняла, что Марджери – самая настоящая красавица.

– Ты меня давеча спрашивала, не страшно ли мне одной здесь, в горах, – произнесла Марджери. – (Рука Элис застыла на пряжке для подпруги.) – Ладно, пожалуй, я тебе скажу. После того как папаша отдал Богу душу, я не боялась ничего и ничего. Видишь вот это? – Она показала на видневшиеся вдали горы. – Вот о них я мечтала еще ребенком. Я и Чарли там, наверху. Элис, это мой рай. Я каждый день в нем пребываю. – Марджери протяжно вздохнула, а Элис продолжала дивиться красоте смягчившихся черт лица Марджери и странному сиянию ее улыбки, но тут Марджери поверну-

лась, хлопнув рукой по седлу. – Ну ладно. Ты готова? У тебя впереди большой день. Большой день для всех нас.

* * *

В эту неделю четыре женщины впервые за все время разделились, и каждая поехала своей дорогой. Они планировали встречаться в библиотеке в начале и конце каждой недели с тем, чтобы отчитаться, привести в порядок имеющуюся литературу и проверить состояние того, что возвратили читатели.

Марджери и Бет доставляли литературу по длинным маршрутам, частенько оставляя книги на второй базе, которой служило здание школы в десяти милях от Мейн-стрит, и забирая их каждые две недели, тогда как Элис и Иззи развозили книги поближе к дому. За это время Иззи успела набраться уверенности, и Элис, приходя утром в библиотеку, пару раз была свидетелем того, как Иззи уезжала на задание: купленные в Лексингтоне новые сапоги сияли, а ее веселое мурлыканье разносилось по всей Мейн-стрит.

– Доброе утро, Элис! – обычно кричала Иззи и махала рукой, правда не слишком уверенно, словно сомневаясь в реакции Элис.

Элис не хотела признаваться, как сильно она нервничает. И дело было не в том, что она боялась заблудиться или выставить себя душой, а в состоявшемся неделю назад разгово-

ре между миссис Брейди и Бет, который Элис, расседливавшая во дворе Спирит, случайно подслушала.

— *О, вы все просто великолепны! Но должна признаться, я немного волнуюсь за эту английскую девушку.*

— *Миссис Брейди, она отлично справляется. Мардж говорит, она уже освоила бо́льшую часть маршрутов.*

— *Бет, дорогая, дело отнюдь не в маршрутах. Желание задействовать в нашей работе местных девушек объясняется тем, что ваши подопечные вас знают. Они уверены, что вы не станете смотреть на них свысока и подсовывать им неподходящую литературу. Но если книги будет распространять незнакомая девушка, говорящая с акцентом и ведущая себя так, словно она королева английская, люди непременно насторожатся. Боюсь, это может погубить весь проект.*

Спирит фыркнула, и миссис Брейди с Бет тотчас же замолчали, догадавшись, что снаружи кто-то есть. Элис, прижавшаяся к стене под окном, неожиданно почувствовала острый приступ беспокойства: ей не позволят заниматься этой работой, если местные не будут брать у нее книги. Она живо представила себе, как снова сидит в душливой тишине дома Ван Кливов, под прицелом подозрительных глаз Энни, а каждый час кажется вечностью. Элис вспомнила Беннетта, вспомнила его каменную спину, которой он каждую ночь поворачивался к жене, его отказ поговорить о том, что между ними происходит. Она подумала о нарастающем раз-

дражении мистера Ван Клива по поводу того, что они до сих пор не обеспечили его внучком.

«Если я потеряю эту работу, – подумала Элис, почувствовав неприятную тяжесть в животе, – у меня ничего не останется».

* * *

– Доброе утроу!

Пока Элис поднималась в гору, она всю дорогу репетировала.

Она снова и снова шептала Спирит: «Ну, доброе утро. Как поживаете?» – округляя губы на гласных звуках, чтобы ее речь не казалась слишком отрывистой и откровенно английской.

Из ветхой хижины вышла молодая женщина, может, чуть старше Элис, и, заслонив глаза рукой, вгляделась в незваную гостью. На залитой солнцем полоске травы перед домом боролись, отнимая друг у друга палку, двое детишек. Рядом сидела собака. Дети на секунду подняли на Элис глаза и продолжили бесцельную возню. Рядом стояла миска с неочищенной сахарной кукурузой, словно в ожидании транспортировки, на земле на простыне лежало выстиранное белье. Возле грядки были свалены в кучку выдернутые с корнем сорняки в комьях земли. Казалось, все кругом было не доделано до конца и брошено на середине. Из дома доносился

отчаянный, надрывный плач грудного младенца.

– Миссис Блай?

– Чем могу помочь?

Элис сделала глубокий вдох.

– Доброе утро! Я из передвижной библиотеки, – старательно нажимая на гласные, произнесла Элис. – Воузможно, вы захоутите взять несколькоу книиг для себя и ваааших маалышей? Чтоубы чему-нибудь учиться. – (Улыбка на губах молодой женщины сразу угасла.) – Все ноурмально. Ани вам ничегоу не будут стоуить. – Элис с улыбкой достала из переметной сумки книгу. – Если хоутите, мажете взять хоуть четыре. Я забейру их на следующей неделе.

Женщина молчала. Она прищурилась, поджала губы и принялась внимательно разглядывать свои туфли. Вытерла руки о передник и снова посмотрела на Элис:

– Мисс, вы надо мной издеваетесь? – (У Элис округлились глаза.) – Вы ведь из Англии, так? Замужем за сыном Ван Клива? Потому что, если вы надо мной издеваетесь, катитесь-ка колбаской туда, откуда пришли!

– Я вовсе над вами не издеваюсь, – поспешно произнесла Элис.

– Значит, у вас что-то с челюстью, да?

Элис нервно сглотнула. Женщина хмуро смотрела на нее в упор.

– Извините меня, – промямлила Элис. – Просто мне сказали, люди не будут брать у меня книги, если я буду гово-

речь слишком по-английски. Я только... – Ее голос дрогнул и оборвался.

– Значит, вы пытались говорить, как местная? – Женщина, слегка набычившись, вопросительно уставилась на Элис.

– Понимаю. Похоже, это звучит довольно... Я... – Элис закрыла глаза и внутренне застонала.

Женщина фыркнула и рассмеялась. Элис мгновенно открыла глаза. Женщина, согнувшись пополам, снова рассмеялась:

– Выходит, ты пыталась говорить, как местная? Гарретт, ты это слышишь?

– Я слышал, – раздался мужской голос, тотчас же утонувший в приступе кашля.

Миссис Блай схватилась за бока и вытерла выступившие от смеха слезы. Дети, не сводившие с матери глаз, дружно захихикали. Правда, судя по их озадаченным рожицам, они пока сами толком не понимали, над чем смеются.

– Ой, не могу! Боже мой, мисс, давно я так не смеялась! Заходите, не стесняйтесь. Я взяла бы у вас книги, даже если бы вы были с другого конца света. Меня зовут Кэтлин. Ну, входите же. Воды хотите? На улице такая жарница, что даже змеи в норах поджариваются.

Привязав Спирит к ближайшему дереву, Элис вытащила из сумки подборку книг. Она прошла за Кэтлин в хижину, по дороге заметив, что в окнах нет стекол, а только деревянные ставни, и рассеянно подумав, каково же им тут зимой.

Постояла на пороге, чтобы глаза адаптировались к темноте и можно было разглядеть обстановку дома. Хижина была разделена на две комнаты. Стены первой из них обклеены газетами, в дальнем конце – дровяная печь, рядом с ней сложены поленья. Над печкой виднелись связанные веревкой свечи, на стене висело большое охотничье ружье. В углу стояли стол и четыре стула, рядом со столом в деревянном ящике лежал младенец. Младенец истошно орал, размахивая крошечными кулачками. Кэтлин наклонилась, с утомленным видом взяла ребенка на руки, и тот сразу успокоился.

И только тогда Элис заметила молодого и красивого мужчину, лежавшего под лоскутным покрывалом на кровати в углу. Однако лицо мужчины покрывала восковая бледность хронического больного. Несмотря на открытые окна, воздух в комнате был затхлым и неподвижным. Каждые тридцать секунд мужчина заходился в надрывном кашле.

– Доброе утро, – поймав на себе взгляд мужчины, сказала Элис.

– Доброе. – Голос мужчины был слабым и хриплым. – Простите, что не могу сейчас встать...

Элис покачала головой, словно желая сказать, что все нормально.

– А у вас, случайно, нет номера журнала «Вуманс хоум компаньон»? – спросила Кэтлин. – Этот ребенок просто дьявол! Его невозможно успокоить. Может, там найдутся ка-

кие-нибудь советы? Я хорошо умею читать. Правда, Гарретт? Мисс О'Хара уже привозила мне эти журналы. И у них там советы на все случаи жизни. Думаю, у него зубки режутся, но он даже не пытается хоть что-то грызть.

Элис, опомнившись, принялась за работу: начала перебирать книги и журналы и в результате выудила два журнала, которые и отдала Кэтлин.

– Может, дети тоже чего-нибудь захотят выбрать?

– А у вас есть книжки с картинками? Поли уже знает алфавит, но вот его сестра только рассматривает картинки. И она их очень любит.

– Ну конечно. – Элис нашла два букваря и вручила их Кэтлин.

Кэтлин улыбнулась, почтительно положила книжки на стол и протянула Элис стакан воды:

– У меня есть кое-какие рецепты. Например, яблочно-медового торта. В свое время его дала мне мама. Если хотите, я с удовольствием перепишу его для вас.

Жители гор, объяснила Элис Марджери, очень гордые. Многие из них стесняются что-то брать, ничего не отдавая взамен.

– С удовольствием, – улыбнулась Элис. – Спасибо большое.

Элис выпила воду и отдала стакан. Она уже собиралась было уходить, посетовав на то, что уже и так задержалась, но случайно перехватила вопросительный взгляд Кэтлин в

сторону мужа и невольно задалась вопросом, не упустила ли она чего-то важного. Кэтлин с сияющей улыбкой посмотрела на Элис, но не произнесла ни слова.

Тогда Элис выждала еще секунду. Молчание становилось неловким.

– Что ж, приятно было познакомиться. Увидимся через неделю. Постараюсь подобрать пару статей о младенцах, у которых режутся зубки. Я всегда к вашим услугам. И с удовольствием что-нибудь для вас подыщу. На этой неделе мы получим новые книги и журналы. – Элис собрала оставшиеся книги.

– Тогда до новых встреч.

– Я вам крайне благодарен, – послышался шелестящий шепот со стороны кровати, сменившийся очередным приступом кашля.

После мрака хижины день снаружи казался ослепительно-ярким. Жмурясь от солнечных лучей, Элис, помахав на прощание детям, пошла обратно туда, где была привязана Спирит, и только сейчас поняла, как же высоко она взошла. Отсюда можно было увидеть едва ли не половину округа. Она застыла, любясь видом.

– Мисс?

Элис повернулась. К ней бежала Кэтлин Блай. Она остановилась в паре шагов от Элис и на секунду поджала губы, словно не решаясь заговорить.

– Вы что-то хотели?

– Мисс, мой муж, он любит читать, но плохо видит в темноте, и, честно говоря, ему приходится напрягаться из-за антракоза. Не могли бы вы ему немного почитать?

– Почитать ему?

– Это его отвлекает. А мне некогда, потому что на мне весь дом, младенец, да еще и щепы на растопку нужно наколоть. Я бы никогда не стала просить, но Марджери тогда сама предложила это сделать, и, если вы готовы потратить на нас полчаса, прочесть ему главу-другую или еще что... мы оба будем вам крайне признательны. – Теперь, когда у Кэтлин отпала необходимость ради мужа делать хорошую мину при плохой игре, она осунулась буквально на глазах, на ее лице проступили следы усталости и напряжения, глаза подозрительно заблестели. Взяв наконец себя в руки, она вздержнула подбородок, словно ей было неловко просить об одолжении. – Конечно, если вам некогда...

Элис положила руку на плечо Кэтлин:

– Почему бы вам не сказать мне, что именно он любит. У меня с собой новая книга рассказов, которая, по-моему, именно то, что нужно. Как думаете?

* * *

Сорок минут спустя Элис уже спускалась с горы. Пока она читала, Гарретт Блай закрыл глаза на двадцатой странице рассказа – волнующей истории о потерпевшем кораблекру-

шение моряке. Бросив на больного взгляд, Элис обнаружила, что страдальчески сведенные мышцы его лица разгладились, словно Гарретт был сейчас где-то далеко. Элис читала тихим журчащим голосом, и даже убаюканный младенец, кажется, немного затих. А там, снаружи, Кэтлин, похожая на расплывчатое бледное пятно, колола щепу на растопку, что-то приносила, что-то собирала, что-то уносила, попеременно то успокаивая, то распекая детей. К тому времени, как Элис дочитала рассказ, Гаррисон уже спал, дыхание с хриплым бульканьем вырывалось из впалой груди.

– Спасибо вам. – Кэтлин подошла к Элис, которая упаковывала переметные сумки, и протянула ей два яблока и клочок бумаги с рецептом. – Я вам о нем и говорила. Эти яблоки очень хороши для запекания, так как не превращаются в кашу. Только не передержите их. – Ее лицо снова просветлело, словно к ней вернулась прежняя уверенность.

– Вы очень добры. Спасибо большое. – Элис осторожно положила подарки в карман.

Кэтлин кивнула, будто желая сказать, что долг платежом красен, и Элис села на пони. Еще раз поблагодарив Кэтлин, она пустилась в путь.

– Миссис Ван Клив? – окликнула Кэтлин всадницу, когда та отъехала ярдов на двадцать.

Элис повернулась в седле:

– Да?

Кэтлин скрестила руки на груди и расправила плечи:

– По-моему, ваш голос звучит просто чудесно. Такой, какой есть.

* * *

Солнце немилосердно пекло, мошки и мокрецы безжалостно кусались. Элис хлопала себя по шее и чертыхалась. Хорошо еще, что на ней была полотняная шляпа с полями, которую одолжила ей Марджери. Элис умудрилась всучить руководство по вышиванию двум сестрам-близнецам, которые жили вниз по ручью и смотрели с подозрением даже на такую безобидную литературу; ее отогнал от большого дома злобный пес; она вручила Библию семейству из одиннадцати человек, ютившемуся в таком крошечном домике, какого Элис еще в жизни не видела и где на крыльце лежали в ряд набитые сеном матрасы.

– Мои дети читают лишь Святое Писание, – воинственно выставив вперед подбородок, пробормотала хозяйка дома из-за полуоткрытой двери.

– Тогда на следующей неделе я специально подберу для вас какую-нибудь религиозную литературу. – Несмотря на захлопнувшуюся прямо перед носом дверь, Элис попыталась изобразить ослепительную улыбку.

После окрылившей ее победы в доме Кэтлин Блай Элис снова упала духом. Она пока не могла разобрать, почему люди смотрят на нее с таким подозрением. Все дело в книгах

или в ней самой? У нее в ушах по-прежнему звучал голос миссис Брейди, сомневавшийся в способности Элис делать эту работу из-за ее иностранного происхождения. Погруженная в эти безрадостные мысли, Элис совсем забыла о красных бечевках на деревьях, в свое время привязанных Марджери, и вскоре поняла, что заблудилась. Элис остановилась на полянке и попробовала определить по самодельным картам свое местонахождение, судорожно пытаясь разглядеть солнце сквозь плотный зеленый полог леса. Спирит стояла как вкопанная, грустно повесив голову на полуденной жаре, от которой не защищала даже густая листва.

– Разве ты не должна была научиться находить дорогу домой? – ворчливо спросила себя Элис.

Пришлось признать, что она понятия не имеет, где находится. Придется идти обратно по своему следу, пока не встретится дерево с красной бечевкой. Элис устало развернула пони и принялась снова подниматься в гору.

Прошло добрых полчаса, прежде чем Элис начала что-то узнавать. Она с трудом подавила приступ паники при мысли о том, что придется заночевать здесь, в темноте, на склоне горы, в окружении змей, и горных львов, и бог знает чего еще, или, что гораздо хуже, по одному из тех адресов, где она ни в коем случае не должна останавливаться, а именно: *Бивер, Фрог-Крик (чокнутый старый лис); в доме Маккалоу (алкаши, вечно под мухой, неизвестно, есть ли там женщины, потому что никто никогда их не видел); братья Гар-*

сайд (пьянчуги, звереющие от выпивки). Элис и сама толком не знала, чего больше боится: быть застреленной из-за нарушения границ частной собственности или реакции миссис Брейди, когда выяснится, что эта англичанка вообще ни на что не способна.

Местность казалась бескрайней, и это напомнило Элис, что она здесь совершенно не ориентируется. Ну почему, почему она недостаточно внимательно слушала указания Марджери? Элис прищурилась на падающие тени, пытаясь определить, куда они указывают, и мысленно выругалась, когда набежавшие облака и качающиеся ветки заставили их исчезнуть. И тут она заметила знакомый красный узелок на стволе дерева, но радость тотчас же померкла, когда до Элис дошло, возле чьего дома она находится.

Элис проехала мимо ворот, потупившись и опустив голову. В обшитом досками домике было тихо. Железный чайник стоял на куче остывшей золы, на чурбане валялся большой топор. Два грязных оконных стекла слепо смотрели на Элис. А возле столба были сложены аккуратной стопкой четыре книги – именно это Марджери и просила сделать Джима Хорнера, если тот все же решит, что книги ему в доме не нужны. Элис подъехала к воротам и слезла с пони. Памятуя о пулевом отверстии в шляпе Марджери, Элис настороженно косилась на окна дома. Книги, похоже, ни разу не открывали. Элис аккуратно уложила их в переметные сумки, затем проверила подпругу пони и уже вставила ногу в стремя, ко-

гда услышала мужской голос, эхом разнесшийся по ущелью:
– Эй! – (Элис остановилась.) – Эй, ты! – (Элис закрыла глаза.) – Ты та самая библиотекарьша, что заезжала ко мне наведни?

– Мистер Хорнер, я вас не побеспокою! – крикнула она в ответ. – Я просто... Я просто приехала забрать книги. Вы не успеете и глазом моргнуть, как я уеду. И к вам больше никто не придет.

– Значит, ты мне врала?

– Что?! – Элис вынула ногу из стремени и повернулась.

– Ты говорила, что привезешь еще книг.

Элис растерянно заморгала. Джим Хорнер, на сей раз без ружья, стоял в дверях, показывая рукой на столб ворот.

– Так вы хотите еще книжек?

– Я так и сказал. Разве нет?

– Боже мой! Ну конечно. Я... хм... – Волнение сделало Элис неловкой. Она порылась в сумке, вытащила какую-то книгу, но сразу же отвергла ее. – Да-да. Хорошо. Я привезла Марка Твена и книгу рецептов. И вот этот журнал с полезными советами по консервированию. Вы ведь все занимаетесь консервированием, да? Могу оставить, если хотите.

– Я хочу справочник по орфографии. – Хорнер взмахнул рукой, словно это могло материализовать справочник. – Для моих девочек. А для младшей нужна просто книжка с картинками на одной странице и словами на другой. Ничего мудреного.

– Думаю, у меня что-то такое есть... Погодите. – Элис порылась в седельной сумке и наконец вытащила книгу для чтения для малышей. – Что-то вроде этой? Она очень популярна среди...

– Просто оставьте книги у столба.

– Уже сделано! Они уже там! Чудненько! – Элис наклонилась сложить книги аккуратной стопкой, после чего попятилась, собираясь вскочить на пони. – Ну ладно. Все... я уже уезжаю. Но дайте мне знать, если вы вдруг захотите, чтобы на следующей неделе я привезла что-нибудь конкретно для вас.

Элис подняла руку. Джим Хорнер стоял в дверях, девочки, внимательно наблюдающие за посетительницей, – у него за спиной. И хотя сердце Элис по-прежнему дико колотилось, уже выехав на грунтовую дорогу, она неожиданно поняла, что улыбается.

Глава 5

Каждая шахта или группа шахт стала социальным центром, где отсутствуют не только частная собственность, кроме самой шахты, но и места общего пользования и общественные магистрали, за исключением русла текущего между скалами ручья. И в деревнях, разбросанных на горных склонах вблизи речных долин, не хватает лишь за́мков, подъемных мостов и сторожевых башен, чтобы сторонний наблюдатель решил, что попал в Средневековье.

Комитет экспертов по углю Соединенных Штатов Америки, 1923 год

Марджери неприятно было признавать это, но в маленькой библиотеке на Сплит-Крик-роуд начинал царить хаос, поскольку, учитывая все возрастающую потребность в книгах, ни у кого из четырех девушек не было ни минуты свободного времени навести порядок. Несмотря на существующую на первых порах некоторую предвзятость жителей округа Ли, слухи о библиотечных леди по мере роста их известности распространялись, словно круги на воде, и теперь девушки чаще видели приветливые улыбки, нежели захлопнутые перед носом двери. Семьи уже требовали материал для чтения – начиная от «Вуманс хоум компаньон» и кончая журналом для мужчин «Фарроу». Любая литература – от

Чарльза Диккенса и до журнала «Дайм мистери мэгазин» – разлеталась как горячие пирожки прямо из седельных сумок. Комиксы, дико популярные среди местных детишек, страдали больше всего: их зачитывали до дыр или рвали в борьбе за обладание ими. Журналы периодически возвращали с аккуратно вырванными любимыми страницами. И библиотекари постоянно атаковали требованиями: «Мисс, у вас есть для нас новые книги?»

Когда девушки возвращались в свою штаб-квартиру в бывшем коровнике Фредерика Гислера, то уже не доставали книги, расставленные в строгом порядке на самодельных полках, а поднимали их с пола, а в поисках нужного названия приходилось рыться в грудах литературы. При этом библиотекари даже орали друг на друга, когда кто-нибудь из них нацеливался на искомую книгу.

– Похоже, мы пали жертвой собственного успеха, – заявила Марджери, обводя взглядом кипы книг на полу.

– Может, попробуем их рассортировать? – Бет затаилась сигаретой.

Отец наверняка выпорол бы ее, если бы увидел, а Марджери делала вид, будто ничего не замечает.

– Бесполезно. Сегодня утром мы даже не успеем к ним прикоснуться, а когда вернемся, воз будет и ныне там. Нет, по-моему, нам нужен кто-то еще на полный рабочий день, чтобы рассортировать книги.

Бет посмотрела на Иззи:

– Ты ведь хотела остаться здесь. Так? Да и вообще, ты у нас не самый лучший наездник.

Иззи тотчас же ошетибилась:

– Вот еще! Бет, спасибо тебе большое. Мои семьи меня уже знают. И вряд ли обрадуются, если кто-то другой будет возить им книги.

Она была права. Несмотря на каверзные подколки Бет, Иззи Брейди всего за шесть недель стала опытной наездницей, можно сказать замечательной. Она научилась уравнивать правильной посадкой более короткую ногу, а в новых начищенных красновато-коричневых сапогах эта разница практически не ощущалась. Иззи взяла за привычку приторачивать к задней части седла свою трость, которая была ей необходима для последних нескольких шагов до дома. И вообще, трость оказалась удобным подручным средством, чтобы отодвигать ветви деревьев, отгонять злобных собак и убивать случайно попавшихся на дороге змей. Большинство семей в Бейливилле трепетали перед миссис Брейди, и Иззи достаточно было представиться, чтобы ее встретили теплой улыбкой.

– Ну а кроме того, Бет, – добавила Иззи, коварно вынимая из рукава козырную карту, – если я останусь здесь, моя мама начнет суесться и лезть во все наши дела. Сейчас она не появляется в библиотеке исключительно потому, что думает, будто я целый день в разъездах.

– Ой, мне бы очень этого не хотелось, – поймав на себе

взгляд Марджери, поспешно сказала Элис. – Мои семьи тоже очень довольны. На прошлой неделе старшая дочка Джима Хорнера целиком прочла журнал «Зе американ герл». Отец так ею гордился, что даже забыл наорать на меня.

– Значит, остается только Бет, – заявила Иззи.

Бет бросила окурок на деревянный пол, затушив его каблуком сапога:

– И нечего на меня так смотреть! Ненавижу уборку! Я только и делаю, что убираюсь за своими чертовыми братьями!

– Тебе что, обязательно нужно чертыхаться? – фыркнула Иззи.

– Это не просто уборка. – Марджери подняла экземпляр «Записок Пиквикского клуба», откуда веером выпали страницы. – Поначалу страницы были только слегка погрызены, а сейчас вообще выпадают. Нам нужен кто-то, кто сумел бы сшить переплеты и собрать из поврежденных книг то, что еще можно использовать. Такое уже делают в Хиндмане, причем весьма успешно. Там и рецепты, и рассказы, и прочее.

– Лично я шью просто отвратительно, – поспешила сообщить Элис, и остальные в один голос заявили о неумении держать иголку с ниткой в руках.

Марджери нахмурилась:

– Ну, я тоже не собираюсь этого делать. У меня руки-крюки. – Она на секунду задумалась. – Хотя есть идея. – Она

встала из-за стола и потянулась за шляпой.

– Какая? – поинтересовалась Элис.

– А куда ты собралась? – спросила Бет.

– В Хоффман. Бет, можешь взять на себя пару моих ез-
док? Увидимся позже.

* * *

Зловещий шум, производимый шахтой Хоффман, можно было услышать уже на подъезде: грохот вагонеток с углем, *бабах* далеких взрывов, заставляющих вибрировать землю под ногами, звон шахтерского колокола. Для Марджери шахта являлась олицетворением ада: ее проходы врезались в израненные, изъеденные горные склоны вокруг Бейливилла, покрыв их гигантскими рубцами; мужчины с белыми на фоне черных лиц глазами возникали прямо из чрева земли, а тихий голос природы был безжалостно задушен. Воздух вокруг шахты пропитался угольной пылью, взрывы – эти вечные предвестники беды – накрывали долину серым фильмом. Даже Чарли заартачился, отказываясь сюда ехать. Кем же надо быть, чтобы, глядя на эту созданную Господом Богом землю, видеть не небесную красоту и чудеса природы, а лишь долларовые знаки?! – думала Марджери.

Хоффман был городом со своими правилами. Наличие стабильной зарплаты и крыши над головой давалось шахтерам дорогой ценой. Это и ползучий долг в магазине при шах-

те, и вечный страх ошибки в расчете динамита или потери конечности от вагонетки, и, что еще хуже, печальный конец их брэнного существования там, глубоко под землей, без малейшего шанса для родных и близких их оплакать.

Ну а год назад ко всем этим негативным явлениям добавилась атмосфера недоверия, когда штрейкбрехеры прибыли на шахту, чтобы прижать к ногтю всех, кто имел смелость бороться за улучшение условий труда. Руководство шахты не любило перемен, а потому заменило убеждение и голосование бандитскими разборками, со стрельбой, взрывами и в итоге со скорбящими семьями.

– Это ты, Марджери О’Хара? – Охранник сделал два шага вперед, заслонив рукой глаза от солнца.

– Да, это я, Боб.

– А ты знаешь такого Густавссона?

– Что-то случилось? – Марджери почувствовала знакомый металлический привкус во рту, появлявшийся всякий раз, когда называли имя Свена.

– Нет, насколько мне известно. Думаю, они решили перекусить перед сменой. Последний раз я видел их у блока Б.

Марджери спешила, привязала мула и прошла через ворота, не обращая внимания на любопытные взгляды закончивших смену шахтеров. Она стремительно миновала магазин, в витринах которого рекламировались различные распродажи и скидки, которые, как все знали, были лишь видимостью. Магазин стоял на склоне на том же уровне, что

и огромное надшахтное сооружение. А еще выше располагались шикарные ухоженные дома с аккуратными двориками начальства шахты и бригадиров. Именно здесь и должно было жить семейство Ван Клив, если бы Долорес не отказалась покидать свой фамильный дом в Бейливилле. Хоффман не был самым большим шахтерским городом вроде Линча, насчитывавшего десять тысяч домов. Нет, здесь вдоль дорог растянулись двести крытых толем шахтерских хижин, которые за добрых сорок лет своего существования ни разу не перестраивались. Несколько босоногих детишек играли в грязи возле рывшейся там же свиньи. У входных дверей были выставлены ведра и запчасти для машин, между ними бесцельно бродили уличные собаки. Марджери повернула направо, в сторону от жилых домов, и размашистым шагом перешла небольшой мостик, ведущий на шахты.

Она сразу увидела его спину. Он сидел на перевернутом ящике, положив шлем между ног, и жевал краюшку хлеба. «Я узнала бы его везде», – подумала Марджери. Его сильную шею, переходящую в широкую спину, эту его манеру при разговоре слегка наклонять голову влево. Рубашка Свена была запачкана сажей, а на спине сидевшей чуть косо жилетки было написано «ПОЖАР».

– Эй!

Обернувшись на звук ее голоса, Свен встал и поднял руки, а его напарники приветствовали Марджери тихими свистками, словно дули на пламя.

– Мардж! Что ты здесь делаешь? – Свен взял ее за руку и под улюлюканье парней отвел за угол.

Она посмотрела на почерневшие ладони Свена:

– Все в порядке?

– На этот раз. – Свен слегка поднял брови и посмотрел на административное здание, и этот взгляд сказал Марджери все, что она хотела знать.

Она пальцем вытерла сажу у него со щеки. Он остановил Марджери и прижал ее руку к губам. У Марджери внутри, как всегда, что-то екнуло, хотя ее лицо оставалось невозмутимым.

– Значит, ты скучала по мне?

– Нет.

– Врунишка!

Они ухмыльнулись друг другу.

– Я ищу Уильяма Кенворта. Мне нужно поговорить с его сестрой.

– Цветного Уильяма? Мардж, его здесь больше нет. Он уволился по инвалидности шесть или девять месяцев назад. – (Марджери была явно ошарашена.) – Мне казалось, я тебе говорил. Рабочий-подрывник перепутал провода, и он как раз был внизу, когда взорвали проход. Кенворту глыбой оторвало ногу.

– Ну и где он сейчас?

– Без понятия. Но если хочешь, я могу выяснить.

Марджери осталась ждать возле административного здания, а Свен вошел внутрь, чтобы уболтать миссис Пфайффер, любимым словом которой было «нет», но к Свену это не относилось. Свена любили на всех пяти угольных разрезах округа Ли. Помимо широких плеч и крепких кулаков, каждый размером с окорок, он обладал аурой спокойной власти, озорным огоньком в глазах, сразу говорившим мужчинам, что Свен один из них, а женщинам – что он их любит, и отнюдь не платонически. Свен был отличным работником, в случае необходимости даже сердечным, и он общался со всеми с непривычной учтивостью – будь то маленький обормот из соседнего поселка или высокое начальство шахты. Марджери могла бесконечно прокручивать в голове список достоинств Свена. Правда, никогда ему об этом не говорила.

Свен спустился с крыльца офисного здания с клочком бумаги в руках:

– Он сейчас живет возле Монарх-Крика, в доме своей покойной матери. Судя по всему, состояние у него не ах. Его подержали первую пару месяцев в местной больнице, ну а потом выписали.

– Спасибо и на этом.

Свен отлично знал, что Марджери не испытывала особого почтения к компании «Хоффман майнинг».

– Ну да ладно. А зачем он тебе так срочно понадобился?

– Хотела найти его сестру. Хотя, если он болен, не знаю, стоит ли его беспокоить. Я слышала, его сестра вроде бы работала в Луисвилле.

– Ой нет! По словам миссис Пфайффер, именно сестра за ним и ухаживает. Поэтому, если ты туда поедешь, у тебя есть все шансы найти и ее тоже.

Забрав у Свена клочок бумаги, Марджери подняла глаза. Его взгляд был устремлен прямо на нее, черты его закопченного лица смягчились.

– Итак, когда я тебя увижу?

– Зависит от того, когда ты перестанешь доставать меня с этим твоим венчанием.

Оглянувшись, Свен всем телом навалился на Марджери, прижав ее к стене:

– Ну ладно. А как тебе такое, Марджери О’Хара? Торжественно клянусь никогда на тебе не жениться!

– И?..

– И я не буду говорить о женитьбе. Не буду тебя улещать. И даже думать об этом не буду.

– Вот так-то лучше.

Свен снова оглянулся и понизил голос, практически прижав губы к уху Марджери, так что она даже слегка увернулась:

– Но я все-таки буду заезжать к тебе, чтобы и дальше совершать грешные вещи с твоим роскошным телом. Если ты

мне, конечно, позволишь.

– Насколько грешные? – прошептала Марджери.

– Ох! Очень плохие. Можно сказать, безбожные.

Марджери засунула руку в его комбинезон, ощутив тонкую пленку пота на теплой коже. И на секунду все остановилось – существовали только они двое. Звуки и запахи шахты исчезли, и Марджери лишь чувствовала биение его сердца, пульсацию его кожи и барабанную дробь ее вожделения к нему.

– Свен, Бог любит грешника. – Марджери поцеловала его, слегка укусив за нижнюю губу. – И все-таки не так сильно, как я.

Свен оглушительно расхохотался, и, к немалому удивлению Марджери, когда она шла обратно к своему мулу под улюлюканье спасательной команды, ее щеки были красными как мак.

* * *

День выдался долгим, и к тому времени, как Марджери добралась до маленькой хижины возле Монарх-Крика, и она, и ее мул окончательно выбились из сил. Марджери спешила, набросив поводья на столб.

– Эй, есть кто-нибудь?

Никто не появился. По левую руку находился ухоженный огород, к стене хижины примыкал небольшой навес, с кры-

ши крыльца свисали две корзины. В отличие от других домов в округе, домик был свежеекрашен, трава скошена, сорняки выполоты. Возле двери стояло красное кресло-качалка, с которого был хорошо виден заливной луг.

– Эй!

За сетчатой дверью показалось женское лицо. Женщина огляделась кругом, словно что-то проверяя, затем отвернулась и принялась разговаривать с кем-то в доме.

– Это вы, мисс Марджери?

– Привет, мисс София. Как поживаешь?

Сетчатая дверь открылась, и женщина, впустив гостью в дом, повернулась к ней лицом. Откинув голову, увенчанную копной заколотых невидимками черных кудрей, женщина внимательно посмотрела на Марджери:

– Так-так-так... Мы не виделись... сколько же... восемь лет?

– Что-то вроде того. Впрочем, ты совсем не изменилась.

– Входи.

Лицо женщины, худое и настороженное, расплылось в милой улыбке, и Марджери тепло улыбнулась в ответ. В свое время она несколько лет помогала отцу доставлять виски на шахту. Это был один из самых прибыльных маршрутов. Фрэнк О'Хара решил, что никто не станет особо присматриваться к папе с дочкой, осуществляющих доставку в шахтерский поселок, и его расчет оказался верным. Но пока Фрэнк О'Хара объезжал дома местных жителей, продавая вис-

ки и подкупая охранников, Марджери тихонько пробиравалась в блок для цветных, где мисс София одалживала ей книги из семейного маленького собрания литературы.

Марджери не разрешили ходить в школу – об этом позаботился Фрэнк О’Хара. Он не верил, что учение – это свет, как ни умоляла его мать Марджери позволить дочке учиться. Однако мисс София и ее мать, мисс Ада, привили девочке любовь к книгам, которые длинными вечерами уносили ее прочь из темноты и атмосферы насилия ее родного дома. Мисс София и мисс Ада всегда выглядели безупречно: ногти тщательно подпилены, волосы заплетены в косички и уложены с хирургической аккуратностью. Мисс София была всего на год старше Марджери, но для той семья новой подруги была воплощением порядка, свидетельством того, что жизнь может быть устроена иначе: без шума, хаоса и страха, наполнявших существование Марджери.

– Знаешь, мне казалось, ты собираешься буквально съесть эти книги – такой у тебя был голод на них. В жизни не встречала девочки, которая бы так много и быстро читала.

Они обменялись дружескими улыбками. А потом Марджери увидела Уильяма. Он сидел в кресле у окна, левая штанина была аккуратно пришпилена под култей. Марджери была потрясена, но постаралась не выдать своих чувств.

– Добрый день, мисс Марджери.

– Уильям, меня очень расстроило известие о твоём несчастье. Тебе очень больно?

– Терпимо. Просто не люблю сидеть без работы. Вот и все.

– Он стал таким же раздражительным, как и все, кого выставляли вон, – закатила глаза София. – Переживает из-за того, что сидит дома, даже больше, чем из-за отрезанной ноги. Присаживайся, я принесу тебе чего-нибудь попить.

– Она говорит, я вечно навожу беспорядок в доме, – пожаловался Уильям.

Домик Кенвортов наверняка был самым опрятным в округе. У Марджери не было в этом ни капли сомнения. Ни пылинки, ни соринки, все на своих местах – еще одно свидетельство потрясающих организаторских способностей Софии. Марджери села и, потягивая напиток с экстрактом сарсапарели, выслушала рассказ Уильяма, как начальство шахты выставило его за дверь после несчастного случая.

– Профсоюз пытался меня защитить, но после той стрельбы никто не захотел совать голову в петлю ради черного парня. Ты понимаешь, о чем я?

– В прошлом месяце они застрелили еще двоих профсоюзных деятелей.

– Я слышал. – Уильям покачал головой.

Братья Стиллер прострелили шины у трех грузовиков, выезжавших из надшахтного сооружения. А в следующий раз они отправились на склад компании во Фрайарс, чтобы организовать кого-то из людей, но банда головорезов устроила им там засаду, причем банда эта, пришедшая по душу тех парней, была из Хоффмана. Он послал им предупреждение.

– Кто именно?

– Ван Клив. Он стоит за всем этим.

– И все обо всем знают, – вмешалась в разговор София. – Все знают, что творится на шахте, но никто ничего не хочет делать.

В комнате повисла горестная тишина. Хозяева так долго молчали, что Марджери едва не забыла о цели своего визита. Поставив стакан, она наконец сказала:

– Это не просто визит вежливости.

– Говори, зачем пришла, – кивнула София.

– Не знаю, слышала ты или нет, но я занимаюсь организацией библиотеки в Бейливилле. У нас четыре библиотекаря – из местных девушек – и целая куча пожертвованных нам книг и журналов, многие из которых уже дышат на ладан. Итак, нам нужен кто-то, кто мог бы систематизировать и чинить книги. Невозможно проводить пятнадцать часов в день в седле и одновременно следить за порядком.

София переглянулась с братом:

– Не понимаю, при чем здесь мы.

– Ну, я тут подумала, может, ты приедешь и пособишь нам. Нам выделили бюджет на пять библиотекарей, и зарплата вполне достойная. За все платит УОР, деньги нам гарантированы по крайней мере на ближайший год. – София молча откинулась на спинку стула, а Марджери продолжила наседать на нее: – Я знаю, тебе нравилось работать в библиотеке в Луисвилле. А после работы ты уже через час будешь

дома. Мы были бы рады видеть тебя в своем коллективе.

– Это библиотека для цветных. – В голосе Софии появились жесткие интонации; она выпрямилась и демонстративно сложила руки на коленях. – Библиотека в Луисвилле. Она для чернокожих. И вы, мисс Марджери, должны об этом знать. Я не могу работать в библиотеке для белых. Разве что вы попросите меня скакать вместе с вами на лошади. Но и тогда я, ни секунды не сомневаясь, отвечу вам, что не соглашусь ни за какие коврижки.

– У нас передвижная библиотека. Люди не приходят к нам взять или вернуть книги. Мы развозим их сами.

– И что с того?

– А то, что никто даже не будет знать, что ты у нас работаешь. Послушай, мисс София, мы отчаянно нуждаемся в твоей помощи. Мне нужен свой человек, чтобы чинить и сортировать книги, а ты у нас по любым критериям – лучший библиотекарь трех округов.

– Повторяю еще раз для непонятливых: ваша библиотека для белых.

– Все меняется.

– Скажи это людям в капюшонах, когда они постучатся ко мне в дверь.

– Ну и чем ты здесь занимаешься?

– Ухаживаю за братом.

– Это я уже знаю. Я спрашиваю, как ты зарабатываешь на жизнь?

София и Уильям в очередной раз переглянулись.

– Это никого не касается. Даже тебя.

Уильям тяжело вздохнул:

– Не сказать чтобы мы как сыр в масле катались. Проедаем наши сбережения и то, что оставила мама. Тут особо не разгуляешься.

– Уильям! – одернула брата София.

– Но ведь это чистая правда. Мы знаем мисс Марджери, а она знает нас.

– Неужели ты хочешь, чтобы мне проломили голову за то, что я посмела работать в библиотеке для белых?

– Только через мой труп! – отрезала Марджери.

Впервые за все время София не нашлась что ответить. Быть отпрыском Фрэнка О’Хары невелика радость, но люди, которые его знали, хорошо понимали, что когда Марджери О’Хара что-то обещает, то ее слово точно банковский вексель. Если в детстве вы смогли выжить с таким отцом, как Фрэнк О’Хара, для вас уже не существует преград.

– Кстати, это двадцать восемь долларов в месяц, – сказала Марджери. – Как и у всех нас.

София посмотрела на брата, затем устремила глаза вниз и наконец подняла голову:

– Нам нужно подумать.

– Хорошо.

София поджала губы:

– Ты все такая же неряха, что и раньше?

– Возможно, даже еще бо́льшая.

– Ладно, мы подумаем. – София поднялась с места и разгладила юбку.

* * *

Уильям настоял на том, чтобы проводить Марджери. Он с трудом встал с кресла, София протянула ему костыль. Скривившись от невероятных усилий, Уильям проковылял к двери, и Марджери постаралась не подавать виду, что заметила это. Они остановились в дверях, глядя на мирно журчащий ручей.

– Ты знаешь, что они собираются вынуть здоровый кусок из северного склона хребта?

– Что?

– Большой Коул сказал мне. Они собираются пробить в нем шесть шурфов. Считают, там богатые пласты.

– Но ведь эта часть горы заселена. Только на северном склоне живет четырнадцать-пятнадцать семей.

– Мы знаем. И они знают. Думаешь, это их остановит, если они уже чувствуют запах бумажных денег?

– Но... что будет с жителями?

– То, что всегда бывает. – Уильям устало потер лоб. – Это ведь Кентукки. Самое красивое место на земле и самое бесчеловечное. Неисповедимы пути Господни, но иногда мне кажется, Он хотел показать нам их все сразу. – Уильям при-

слонился к дверной раме, поправляя костыль под мышкой, а Марджери тем временем пыталась осмыслить услышанное. — Был рад повидаться, мисс Марджери. Береги себя.

— Ты тоже, Уильям. И скажи своей сестре, чтобы шла работать к нам в библиотеку.

Он выразительно поднял бровь:

— Ха! Вы с ней из одного теста. Ни один мужчина ей не указ.

Марджери слышала, как Уильям, хмыкнув, закрыл за собой сетчатую дверь.

Глава 6

Моя мать никогда не держала в доме приготовленные сутки назад пироги, если только начинку. Она обычно вставала на час раньше, чтобы испечь к завтраку пирог, однако она никогда не пекла пироги с заварным кремом, или с фруктами, или с тыквой за день до того, как их должны были употребить, а если бы она так сделала, мой отец отказался бы их есть.

Делла Т. Льюис. Фарм журнал

В первые месяцы своей жизни в Бейливилле Элис даже получала удовольствие от еженедельных обедов после службы в церкви. Присутствие четвертого или пятого человека за столом оживляло атмосферу их мрачного дома, да и еда была гораздо лучше обычной жирной стряпни Энни. Мистер Ван Клив вел себя наилучшим образом, а пастор Макинтош, пожалуй самый частый гость в доме, был милейшим человеком, разве что любил повторяться. Непременной – самой приятной – составляющей светских мероприятий в Кентукки были бесконечные рассказы о семейных неприятностях, сплетни о соседях, причем каждая история подавалась прекрасно оформленной, непременно с изюминкой, после которой все гости разражались громовым хохотом. А если за столом оказывалось больше одного рассказчика, то обед тот-

час же превращался в состязание в остроумии. Но что самое главное, все эти байки позволяли Элис спокойно поесть, не находясь под прицелом неодобрительных взглядов.

По крайней мере, до поры до времени.

– Итак, когда наши молодые осчастливят моего старого друга внуком или двумя?

– Вот и я их об этом постоянно спрашиваю! – Мистер Ван Клив нацелил свой нож на Беннетта и Элис. – Дом не может быть настоящим домом, пока там не бегают карапузы.

«Возможно, если бы наша спальня не находилась настолько близко от вашей, что я слышу, как вы пердите, – мысленно парировала Элис, зачерпывая пюре с тарелки. – Возможно, если бы я могла отправляться в ванную, не закутываясь до лодыжек. Возможно, если бы мне не пришлось выслушивать эти разговоры по крайней мере дважды в неделю».

Памела, сестра пастора Макинтоша, приехавшая к нему из Ноксвилла, заметила, как это неизменно делал кто-нибудь из гостей, что ее сын сделал своей молодой жене ребенка прямо в день бракосочетания.

– И ровно через девять месяцев на свет появились близнецы. Вы не поверите! Представьте, у нее все работает как часы. Только представьте, не успела она отнять этих двоих от груди, как уже на следующий день снова понесла.

– Элис, ты ведь одна из этих конных библиотекарей, да? – Муж Памелы подозрительно смотрел на мир из-под кустистых бровей.

– Да, так и есть.

– Девушка уезжает из дому на целый день! – воскликнул мистер Ван Клив. – А вечером иногда возвращается такой усталой, что у нее нет сил держать глаза открытыми.

– Иметь в мужьях такого здоровяка, как наш Беннетт! Черт побери, да по утрам у юной Элис не должно оставаться сил садиться на лошадь!

– Она должна ходить враскорячку, словно ковбой!

Оба мужчины покатались от хохота. Элис выдавила бледную улыбку и покосилась на Беннетта, сосредоточенно гонявшего по тарелке черную фасоль, а когда подняла глаза на Энни, которая держала блюдо с бататом, то, к своему смущению, заметила на лице экономки нечто крайне похожее на злорадство. Уязвленная до глубины души, Элис смирила Энни холодным взглядом, заставив ее отвернуться.

«У вас на бриджах осталось пятно от месячных, – сообщила Энни, когда накануне вечером принесла Элис стопку сложенного белья. – Мне не удалось вывести его до конца. – Она сделала паузу и добавила: – Совсем как в прошлом месяце».

Элис претила сама мысль о том, что другая женщина отслеживает ее месячные. Внезапно у нее возникло такое чувство, будто весь город судачит о ее неспособности забеременеть. Конечно, Беннетт был не виноват. Только не их бейсболист-чемпион! Не их золотой мальчик!

– Знаете, моя кузина – та, что живет в Берее, – всеми

правдами и неправдами пыталась забеременеть, и ничего. Клянусь, ее муж даже имел ее *по-собачьи*! Итак, она пошла в одну из тех церквей, где во время проповеди используют змей... Пастор, я знаю, вы этого не одобряете, но все-таки послушайте! Они повесили ей на шею зеленую ленточную змею, и уже на следующей неделе она зачала. Кузина говорит, у ребенка такие же золотистые глаза, как у медноголового щитомордника. Хотя она всегда отличалась богатым воображением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.